

**Военные
Приключения**

НАЗОВУ СЕБЯ ШПИОНОМ

ЕВГЕНИЙ ТАГАНОВ

Евгений Иванович Таганов

Назову себя шпионом

Серия «Военные приключения (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73406803
ISBN 978-5-4484-5376-2

Аннотация

1999 год. Алекс снова Александр Копылов, теперь уже владелец большой квартиры, новой машины и дачи на Саймаа, и готов к выполнению спецоперации. Ему озвучивают задания: купить маленькую частную гостиницу, в которой открыть «Langue's School» с британскими учителями, развить клубно-развлекательную деятельность с привлечением золотой молодежи, создать компьютерную газету, материалы для которой ему будут присылать, а также регулярно раздавать в конвертах питерским агентам влияния их «30 сребреников».

Однажды в квартиру Алекса звонит Петр Зацепин собственной персоной и, как самое обычное, сообщает, что его мама жива (в ЦРУ известна как Красная Вдова) и с нетерпением ждет сына на Кипре. Вдвоем они разрабатывают хитроумную операцию по дезинформации американской разведки, ставящей целью смертельно напугать извечных врагов России.

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	10
3	14
4	20
5	26
6	36
7	42
8	48
9	53
10	57
11	61
12	68
13	73
14	82
15	89
16	92
17	96
18	104
19	109
20	114
Часть вторая	117
1	117

2	123
3	127
4	131
5	138
6	143
7	149

Конец ознакомительного фрагмента.

153

Евгений Таганов

Назову себя шпионом

«Военные приключения» является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ООО «Издательский дом «Вече». Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

© Таганов Е. И., 2025

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2025

* * *

Часть первая

1

В институтской раздевалке к Копылову подошел староста группы.

– Димон, слышал, у Смирнова отец умер? По тысяче рублей собираем, – староста смотрел на Алекса чуть виновато, видимо, надеясь, что хоть он откажется платить.

От имени Димон Копылова как всегда передернуло. Выдавая ему прошлым летом при переезде из Москвы в Питер документы на Дмитрия Волкова армейские кураторы явно не предвидели никаких проблем, но это превращение из Дмитрия в Димона уже почти год порядком бесило Алекса. Впрочем, он был сам виноват – следовало с самого начала заявить в группе, что ему такое обращение совсем не нравится. Теперь было поздно.

За полтора семестра это был уже четвертый денежный побор. Первый платеж не вызвал у Алекса ни малейших подозрений, второй – заставил насторожиться, третий, когда собирали деньги на похороны разбившегося на мотоцикле брата Роди Феклистова, побудил проверить через своего тайных дел инструктора Николая Стаса, так ли это на самом деле? Оказалось, что брат Роди разбился еще пять лет назад.

И вообще компания Роди настоящие гопники, которые специализируются в основном на первокурсниках, но при случае не брезгует и одноклассниками. Теперь вот с этим отцом Смирнова. Наверняка его смерть тоже давно в прошлом. Просто ушлые рэкетеры снова решили чуть-чуть пощипать своих институтских сотоварищей.

На листе в руках у старосты значились фамилии всей четверки родчиков – нет ничего вернее, чем самим подать пример сбора матпомощи. Судя по ужимкам старосты, тот тоже догадывался о сомнительности сего вымогательства, но предпочитал бесконфликтно откупиться. Ну что ж, он также пока откупится, но непременно сделает чуть позже ответный ход. Почему бы не заложить всю их гоп-компанию Вике Глаголевой – его кураторше из ФСБ. Хотя вряд ли, мелкий грабёж не профиль ФСБ, они даже ментам сообщать не станут, как не стал сообщать им и гэрэушник Стас.

– На, держи, – Копылов протянул старосте тысячную купюру.

Староста взял деньги и сделал пометку в списке, но не отошел, а только огляделся, чтобы убедиться, что поблизости никого нет из родчиков.

– Слушай, Димон, а неплохо было бы проверить насчет отца Смирнова?

– Каким образом?

– Если он умер, то у него должна быть телеграмма о его смерти. А на почте такую телеграмму без нужной справки о

смерти не пошлют.

– Смирнов скажет, что ему сообщили об этом по трубе.

– Тоже верно. Ну а все же?..

– Я думаю, что если это блеф, то тот, кто шутит такими вещами, будет все равно очень сильно наказан.

– Веришь в божественное воздаяние? – староста посмотрел на Алекса с нескрываемым интересом.

– Обязательно. А ты нет?

Староста отошел, и, глядя ему вслед, Копылов подумал про двух головорезов из «Элиса», которых он застрелил полгода назад в перестрелке в Москве. Пока воздаяние ему за их смерть сильно задержалось в пути или просто прошло еще мало времени.

– А мы вперед! Хорошо? – прямо перед ним к гардеробнице протиснулись две первокурсницы, обдав Алекса едкими духами и озорными улыбками.

Одеваться он с ними закончил одновременно. Девушки, оглянувшись на него и весело хихикая, двинулись на выход. За полтора семестра он так и не обзавелся институтской подружкой. Почему бы это срочно не исправить – и он зашагал следом за ними, придумывая первые неотразимые фразы.

Увы, во дворе института романтические упования Алекса резко оборвались – у чугунной ограды он увидел спину Николай Григорыча. Новая коричневая куртка не могла полностью замаскировать мощный торс инструктора. Делать нечего – пришлось топтать за ним в боковую улочку и залезать в

его вишневую «шестерку».

– Опять нарушаете конспирацию, господин капитан, – сказал Копылов, укладываясь на заднем сиденье и с головой укрывая себя пледом.

– Чья бы корова мычала, – был ему ворчливый отклик.

– Лишили меня простого мужского счастья.

На это ответа не последовало, сколько Алекс не стриг ушами.

Полчаса спустя вишневая «шестерка» подкатила к железным воротам с красными звездами. Сержант со значками связиста проверил у Григорыча документы и пропустил машину на территорию части. На сидевшего пассажиром Алекса он даже не посмотрел.

Потом они со Стасом прошли в казарму, где дежурный старлей провел их на второй этаж и впустил в комнату, передав инструктору большой пластиковый пакет. Сам же удалился, не проявляя к посетителям никакого любопытства. «Интересно, знают ли тут, что Стас капитан ГРУ, – подумал Алекс, – или все здесь, как всегда, решает простое телефонное право от одного полковника к другому».

Комната была украшена армейской наглядной агитацией. На одной из стен висело даже советское войсковое знамя.

Стас протянул пакет Алексу:

– Переодевайся.

В пакете была солдатская форма, включая сапоги и фуражку.

Алекс удивился, но спрашивать ничего не стал, молча стал переодеваться. Неужели его вот так запросто вывели из устроенной им в Хельсинки Большой игры с матрасниками и банально отправляют на срочную военную службу? Прощай обжитая служебная однохатка и два любимых эклера в

холодильнике!

Стас открыл ключом высокий железный шкаф и достал из него АК-47. Скептически смотрел, как фабзаяц обматывает ноги портянками и засовывает их в сапоги. Слава Создателю, навык, полученный Алексом в янычарском интернате, не подвел.

– Готов? – спросил инструктор, когда Копылов молодежовато притопнул каблуками. – А теперь сделай вид, что ты уже прошел всю строевую подготовку.

Алекс послушно стал по стойке смирно.

– Держи. – Стас протянул ему автомат.

Копылов сначала повесил автомат на плечо, но это было явно не то, опустил оружие дулом вниз – тоже не угадал, тогда просто приложил АК к груди и по глазам Стаса понял, что на этот раз все правильно.

– Читай! – инструктор протянул ему лист бумаги.

Алекс принялся читать ровным безучастным тоном:

– Я, Копылов Александр Сергеевич, поступаю на военную службу и присягаю на верность Российской Федерации и ее народу. Клянусь соблюдать Конституцию и законы Российской Федерации, выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников, возложенные на меня законным образом обязанности. Клянусь, находясь на военной службе, быть честным, добросовестным, достойно переносить связанные с ней трудности. Мужественно, не щадя своей жизни, защищать народ и государственные интересы

Российской Федерации...

Надо будет целовать автомат или нет, гадал Алекс. Автомат целовать не пришлось. Стас просто забрал его и спрятал назад в сейф. Копылов запоздало спохватился, что не успел проверить, настоящее это оружие или муляж, не способный стрелять.

– Можешь назад переодеться, – разрешил инструктор.

– Я ведь давал уже Инкубатору такую подписку, – проворчал фабзаяц, влезая в свои джинсы и зимние кроссовки, не заметив, что на его ремне в джинсах с помощью железных пальцев Стаса стало на одну металлическую заклепку больше – жучок прослушки был практически неотличим от соседних заклепок. Похожими жучками была утыкана вся однихатка Копылова, теперь настало время и его личной одежды.

– Вообще-то это не подписка, а воинская присяга, – строго поправил Стас. – То была уголовная ответственность, теперь будет трибунальная.

– Я понял. А чья это инициатива: ваша или высокого начальства?

– Моя. Чтобы я всегда мог тебя при случае застрелить с легким сердцем.

– С легким не получится. Будете страдать и в церкви свой грех отмаливать. – Алекс сам не знал, серьезно он это говорит или ерничает.

– Хорошо, уговорил, буду страдать и в церкви твой труп

отмаливать, – согласился тоже с непонятной интонацией инструктор.

А как ему еще оставалось реагировать на зеленого курсанта-фабзайца, который за полгода умудрился стать сексотом помимо ГРУ еще ФСБ и ЦРУ? Не считая таких пустяков, как скрытное получение наследства в полтора миллиона долларов, покупка финской дачи и пулевое ранение в московской разборке с двумя элисками. И это все в двадцать лет.

– Нам сегодня обязательно надо выпить, – сказал Стас, когда они выезжали с территории части.

– Присягу замачивать?

– Нет, за то, чтобы ты сумел дожить до двадцати одного года.

3

Если вербовка Алекса московским ФСБ прошла для Инкубатора сравнительно безболезненно – ну кто будет в претензии к родному гестапо! – то рекрутирование Копылова ЦРУ, во время его поездки в Финляндию за наследством, произвела настоящий переполох в гэрэушных пенатах. А когда следом за этим нахальный парниша на голубом глазу потребовал себе статуса свободного агента, то казалось, ничто уже не спасет его от приличного срока в местах, не столь отдаленных. Но ангел-хранитель Алекса (или Валета, согласно оперативному псевдониму) подсуетился на славу, приведя в этот момент в питерское подразделение ГРУ нового начальника, отставника-генерала Рогова. Озабоченный тем, что никто в Инкубаторе не проявляет особого рвения, генерал ухватился за Копылова четырьмя руками. Ко двору пришлись и происхождение Алекса из семьи разведчиков-нелегалов, и его пребывание до 13 лет в Коста-Рике, и безупречное знание им трех языков, и нынешнее прикрытие в качестве четверокурсника питерского вуза, и наследство от погибших родителей, и покупка финской дачи. Даже положение курсанта-индивидуала ГРУ, когда в лицо он знал одного лишь Стаса, было в масть.

Отец Алекса Сергей Николаевич Копылов, будучи коста-риканским бизнесменом Карлосом Гонсалесом, накануне

не своего провала оформил наследство так, что душеприказчикам пришлось разыскивать вместо Алехандро Гонсалеса уроженца Владимирской области Александра Копылова, дабы перечислить ему все честь по чести.

О своем наследстве фабзаяц узнал только перед самым переездом в Питер. Резонно полагая, что никто не позволит ему из Волкова снова превращаться назад в Копылова, он сумел найти способ втихаря, с помощью случайного знакомого, пройдошистого адвоката Циммера, восстановить свои прежние паспорта и перевести наследство в хельсинкский Норд-Банк. Тут, правда, удача чуть отвернулась в сторону – прямо в банке шустрого наследника тормознула американская резидентура из хельсинкского посольства: «Будешь пользоваться своими деньгами лишь в обмен на сотрудничество с нашим ведомством».

Целую неделю по возвращении Алекса в Питер в высоких кабинетах шло решение его судьбы – и только сегодня утром, к несказанному изумлению Стаса, было принято окончательное решение: «Операции “Подснежник” быть!»

Теперь оставалось лишь зачистить кое-какие шероховатости. Но не будет же генерал сам заниматься этим, когда под рукой имеется капитан Стас.

– Ты не показывай мне все косяки этого дела, а сам предлагай решение, – внушительный голос генерала наполнял его тридцатиметровые служебные хоромы полностью и без остатка.

– Надо срочно выправить ему документы заочника московского вуза, а его здешнюю студенческую группу как следует проредить.

– Это еще зачем? – поднял левую бровь Рогов.

– Питер слишком маленький город, чтобы можно было надеяться никогда не столкнуться в нем с бывшими однокурсниками.

– Полагаешь, матрасники до сих пор не узнали про его двойную жизнь?

– Валет уверяет, что его паспорт на Волкова нигде за кордоном не светился.

– А его адвокат, этот Циммер, как быть с ним?

– На то он и адвокат, чтобы хранить адвокатскую тайну. Ему Валет наплел, что находится под прикрытием программы «Защиты свидетелей».

– Даже так! Попахивает сильной кустарщиной.

– Кустарщина и есть, – охотно согласился Стас. – Но в этом и главный плюс: разгул преступности в нашей криминальной столице пока никто не отменял. Валет уже выступил перед матрасниками в качестве шального проходимца, поэтому они вряд ли станут уличать его в мелком обмане. Безупречная анкета их насторожит гораздо больше.

– Я вот подумал, а зачем им такой малолетка вообще? – вслух призадумался генерал. – Какой с него прок?

– Я думаю, прок самый прямой: пятую колонну среди молодежи проще готовить изнутри молодежи, чем с помощью

бывалого старичья.

– Эк как тебя занесло?! – почти восхитился Рогов. – А как финское бунгало с нашим малолеткой соотносится?

– Идеально соотносится. Лучше не придумаешь: привозить туда на пленер юных недорослей и подвергать их нужной обработке натасканными западными парнями.

– Вообще, как ему в голову пришло покупать эту дачу на Саймаа?

– Для свиданий с любимой девушкой, полагаю.

– Эта та его одноклассница, что сейчас в Штатах учится? – проявил осведомленность генерал.

– Вы же все знаете, – позволил себе улыбнуться Стас. – Между прочим, три дня назад он купил себе трехкомнатную квартиру на Выборгском шоссе и уже нанял бригаду делать ремонт.

– И ты позволил?

– Он сначала делает, а потом только ставит в известность. К тому же я был на двести процентов уверен, что мы возиться с ним больше не будем.

Генерал чуть призадумался.

– Как думаешь, про его янычарскую школу они могут что-то знать?

– Я думаю на всякий случай нужно подготовить для него аттестат зрелости об окончании школы-интерната в Новосибирске с нужными фото и биографией.

– Хорошо, иди работай.

– Есть, правда, один нюанс, – чуть замялся Стас.

– Ну?

– Фээсбэшники тоже ведь бдят за Валетом. Пока про его вояж в Финляндию они вроде не знают, но, если узнают, могут проявить свою инициативу.

Генерал молчал.

– Надо их остановить.

– Предлагаешь остановить прямо сейчас?

– Сейчас вроде не надо, а потом вдруг будет поздно, – здраво рассудил капитан.

– Поздно не будет. Это наше охотничье угодье. В общем, я в любой момент смогу их остановить.

– Раз мы так серьезно ко всему этому относимся, то мне на «Подснежник» нужны еще люди: два слухача и еще кто-то, кто сможет поехать с Валетом за кордон на его дачу. Меня ведь с ним вы туда не отпустите.

– Угадал – не отпущу. Ну что ж, пиши рапорт с полным обоснованием, я подпишу.

Когда Стас был уже возле двери, генерал задержал его новым вопросом:

– Кстати, ты в курсе, что его бывший московский куратор Зацепин исчез совершенно бесследно?

– В курсе.

– И что? – снова поднял левую бровь генерал.

– Чем хорошо наше ведомство, что никто в нем не может всего знать досконально. Раз москвичи не кошмарят допро-

сами нашего Валета, значит, там своя игра. Зацепин нелегал, а нелегал на то и нелегал, чтобы исчезать и появляться где-то еще.

– Сам придумал или как?

– Если кто-то это первым сказал, я возражать не буду.

– Иди уже, умник, и учти: твой фабзаяц на сегодняшний день это наше все.

С этим напутствием капитан и отправился к институту отлавливать Валета для воинской присяги. После рутинной возни с натаскиванием в тайных науках троих курсантов-фабзайцев разработка «Подснежника» выглядела куда как веселей и увлекательней, наконец-то и он, Николай Стас займется чем-то по-настоящему стоящим.

4

– А как быть с этой фээсбэшницей? – спросил Копылов, когда они по второму разу наполнили свои рюмки семизвездочным армянским коньяком.

Выпивка происходила в квартире Стаса – порядком запущенной норе, доставшейся инструктору после развода со второй женой. И без того небольшая комната имела перегородку, за которой скрывался узкий отсек с прослушивающей аппаратурой и всевозможными прибабамбасами, не предназначенными для глаз случайных посетителей.

– Так вот вы откуда слушаете мою хату! – воскликнул Алекс неделю назад, когда впервые побывал здесь и заметил тонкий луч света, пробивавший из отсека от не выключенной настольной лампы.

– Не только твою, – ответил Стас, смущенный своим недоумотром. – За вами, архаровцами, только глаз нужен да глаз.

Сейчас при вторичном посещении его однокомнатного логова луча света видно не было, а та часть перегородки, где имелся проход в тайное помещение, была заставлена столиком с большим кинескопным телевизором. Для хозяина, толкающего от груди 140 килограмм, эта баррикада особой помехой не являлась.

– С фээсбэшницей будем поступать, как с твоими матрасниками, – рассудил Стас, отправляя в рот ломоть хлеба с

семгой. – По мере возникновения проблем.

– Значит, четких инструкций на этот счет у вас нет? – понял Алекс.

– Покажи свой паспорт.

– Я уже показывал.

– Я был тогда так зол на тебя, что даже на прописку не посмотрел.

Алекс достал из кармана два российских и два зарубежных паспорта и подал тот, что спрашивал инструктор. Стас сканировал глазами содержание аусвайса так, что, казалось, сейчас еще и на зуб попробует.

– Ты по этому адресу был?

– Еще нет!

– Какого черта!

– А что я там скажу: здравствуйте, я тут у вас прописан?

– Обалдеть! Вот из-за такой ерунды все и проваливается.

– Между прочим, Маккой знает, что я там только прописан, но не живу.

– А ты точно переврал им свой настоящий адрес?

– Вместо семерки пятый дом назвал, ошибся, с кем не бывает.

– Обманул так обманул! – насмешливо скривился Стас. – Твоя симка ведь на кого зарегистрирована? На счет три определяется, кто такой Дима Волков и где живет.

– А это уж ваш прокол, товарищ капитан, – нашелся с ответом Алекс. – Все нормальные студенты живут на съемных

квартирах без регистрации, и только вы меня в ней решили прописать.

– Да, хороший был студент Дима Волков, только вот исчез без всякого следа.

Алекс смотрел на инструктора непонимающе.

– Через пару дней у тебя будут корочки заочника твоего прежнего московского вуза на Копылова.

– Что, и на сессию в Москву меня отпустите? – усомнился Алекс.

– Какой из тебя примерный студент, оказывается!

– Шпионская профессия то есть, то нет, а хороший диплом всегда как-то надежней.

Стас разлил по третьей рюмке, после чего закупорил бутылку и спрятал в шкафчик.

– Так что мне делать с фээсбэшницей? – вернулся к прежней теме Копылов. – Она звонила. Назавтра мне randevу назначила. Просила выяснить про продажу у нас на потоке наркотиков.

– Утром купишь новую симку на Копылова, – распорядился капитан.

Они выпили, и Алекс, почувствовав голод, налег на закуски.

– Давай заодно выкладывай свои ключи от служебной квартиры. Исчез так исчез.

– Как? Вот так сразу?

– А чего тянуть?

– В моей новой квартире ничего нет, и ремонт идет.

– Можешь снять гостиницу. Что за дамские капризы?! – с удовольствием упрекнул инструктор, включая чайник.

– А мое шмотье, ноутбук, книги? – перечислил Алекс.

– Завтра лично соберу их тебе. Твою вагонную проводницу тоже в отставку, так сказать, за борт в набежавшую волну. И с этим торговаться не будем.

Алекс, набычившись, смотрел на столешницу. Стас вздохнул, ни секунды не сомневаясь, что от своей подруги Валет не откажется ни за какие кары. Если у него и раньше тормозов не было, то с какой стати им появиться сейчас, несмотря на все присяги?

Чай заваривали прямо в чашках: Стасу покрепче, Алексу послабее. Нашлись и булочки с ванилью. Вместе с подносом они переместились в гостиную на диван.

– Их симка при тебе? – вдруг вспомнил инструктор.

– А то, – Алекс достал из кармана пластиковый пакетик и извлек из него симку.

– Говоришь, обещали звонить по вторникам и четвергам с девяти до одиннадцати. Сегодня вторник и без двух минут девять.

Копылов послушно достал из своей сумки мобильник, последний хит 2000 года, этакий увесистый кирпич, которым можно было и оглушить кого при случае, поменял симки и положил рядом с тарелкой.

– Могу одолжить надувной матрас и плед, – предложил

Стас.

– И тысячу долларов, – нахально добавил Алекс. – До завтрашнего вечера, пока не привезете мои нажитые непосильным трудом тугрики.

Резкий звонок заставил их вздрогнуть. Секунду они смотрели на ожившую трубу, вместо номера на которой были одни звездочки. Затем Стас живо метнулся к своей аппаратуре за перегородкой, едва не уронив телевизор с тумбочки.

Алекс нажал на кнопку соединения, лишь когда Стас протянул ему маленький проводок для подключения телефона к записи.

– Да, – сказал в трубу Алекс.

«Это Сергей Зайцев?» – спросил густой мужской голос без какого-либо акцента.

– Нет, он появится завтра, – правильно отозвался Алекс.

«Не могли бы вы сообщить свой настоящий адрес, по которому живете?»

Алекс вопросительно глянул на Стаса и назвал адрес своей новой квартиры.

«Необходимо, чтобы в течение недели вы смогли выехать на свою дачу. Виза ведь еще действует?»

– С визой все в порядке. Проблема лишь с машиной.

«Что за проблема?»

– Мне не хватает пяти тысяч долларов, чтобы ее купить. К сожалению, мои деньги как раз за кордоном находятся.

«Хорошо, я подумаю, что можно сделать. Завтра в это вре-

мя позвоню».

Телефон замолчал. Копылов победно посмотрел на капитана: ну вот, а вы еще в чем-то сомневались?

– Ты про пять тысяч когда придумал? – накинулся на него Стас.

– Да прямо сейчас, – Алекс себя виноватым не чувствовал. – Будет мне указывать, когда мне ехать!

– Ну ты точно малахольный! Даже не знаю, что сказать на это!

– А чего тут говорить: у меня, агента трех спецслужб, ни машины, ни квартиры, ни девушки Бонда – вам самому не стыдно за это? – не остался Копылов в долгу.

Несмотря на все свое праведное возмущение, Стас не мог сдержать смеха:

– За что мне такое, ну кому я что плохого сделал!!

После сообщения адреса новой квартиры вопрос о возможной гостинице отпал сам собой. На антресолях у инструктора нашлась большая дорожная сумка, в которую были погружены надувной матрас, плед, подушка-думка, вееник, совок и чистая половая тряпка. Карманы фабзайца пополнили тридцать тысяч рублей на оперативное завтрашнее обустройство, что особенно изумило Алекса: откуда у простого капитана оказалась под рукой такая сумма? Взамен Копылов не без сожаления отдал свои паспорта на Волкова.

Ночевка на новом месте получилась комфортней, чем ожидалось. Алекс покупал квартиру у хозяина, который уже успел отделать санузел и кухню (на свой собственный, увы, далеко не изысканный вкус), поэтому работникам, нанятым Копыловым, оставалось лишь поменять в трех комнатах обои и настелить полы в двух лоджиях. До лоджий дело пока не дошло, но две комнаты из трех были как новенькие, в спальне даже не понадобилось мыть полы, достаточно было просто немного подмести. Висевшие на проводах стоваттные лампочки, казалось, потешались: хорош миллионер с одеждой, развешенной на дверях!

Перед сном он даже принял душ, хотя вытираться пришлось собственной майкой. Сильно пахло клеем, штукатуркой, другими ремонтными запахами, расстраивало, что рядом нет ноутбука и телевизора, по которому он каждый вечер привык смотреть новости со Второй чеченской войны. Но ничего не поделаешь: надул матрас, завернулся в плед – и в полноценный восьмичасовой сон.

Утром долго валялся на «постели» не вставая, дожидаясь восьми часов, когда откроется супермаркет, сердито думал о мебелировке апартаментов: приглашать профессионального дизайнера не хотелось, а в собственных художественных способностях он сильно сомневался. Отец в Коста-Рике сделал

себе блестящую карьеру именно интерьерерами вилл и особняков, было как-то стыдно потерпеть в этом деле фиаско, слава богу, что хоть дача на Саймаа была упакована так, что привози с собой лишь зубную щетку и смену нижнего белья и живи, ничуть не краснея перед любимыми гостями.

Несколько раз набирал сотовый Веры, чтобы сказать ей про новый адрес, но телефон молчал. Его Инь экономно относилась к дорогому аппарату: включала только когда сама собиралась ему позвонить. В десять обычно приходили мастера, и надо было как-то с ними определиться.

Стрелки на часах тем временем сложились в нужную комбинацию, и он отправился за покупками. В супермаркете, к счастью, имелись не только продукты, и домой он вернулся не только с харчами, но и с чайником, кухонной утварью и постельным бельем.

Наконец в начале десятого Вера вспомнила про мобильную связь.

«Ты где? Я стою под твоей дверью, и меня никто не пускает».

– А ногами стучать не пробовала? – посоветовал он.

«Ну, Дим, я замерзла, открывай. Ты что, не дома? Я соскучилась!»

– Я же говорил: приезжая в Питер, сразу включай телефон! Теперь снова ныряй в метро... – и он назвал свой новый адрес вместе со станцией ближайшего метро. Тут же позвонил мастерам, попросил их прийти не раньше двенадца-

ти часов, а потом Стасу: рассказать, где в его служебной од-нохатке запрятаны пять тысяч баксов и заодно узнать, когда инструктор намерен привезти ноутбук и видик. Судя по го-лосу, инструктор его разговор с Верой еще не прослушал. Надо купить еще один сотовый специально для нее, дал себе задание Алекс.

На кухне помимо плиты и умывальника имелся только подоконник, на нем он и пристроился с миской, в кото-рой быстро замесил творог, яйцо и два стакана муки, доба-вил ложку сахара, щепотку соли и полстакана изюма, чтобы приготовить любимые Верой сырники с изюмом. Уже разо-гревая сковородку, вспомнил про ванную. Быстро метнулся проверить. Так и есть, внешне ванна была чиста, но сам в нее он лечь бы не рискнул, тем более вместе с Верой, поэтому, выключив плиту, взялся за щетку и принялся драить ванну так, словно от этого зависела его жизнь. Тут и десять часов подоспело, и он помчался в мебельный магазин за двуспаль-ным надувным матрасом.

Звонок в дверь застал первую партию сырников уже гото-вой.

– Девушку заказывали? – Ее всегдашний пароль и полго-да спустя не утратил своего очарования. Круглые щечки, ве-сельные глазки, полные губки – что еще нужно для простого мужского ликования?!

Ее форменное пальто тоже пришлось вешать на дверь. К счастью, про тапочки для себя и для нее он не забыл.

– Ух ты! – Вера с раскрытым ртом принялась обходить их новое пристанище. – Это что, тоже съемная квартира?

– Да вот дали повышенную стипендию – решил переехать.

– Ну скажи честно!

– Сегодня пойдем с тобой мебель выбирать.

– Ну скажи честно!

– Сначала в ванную, остальное потом.

Против этого она не возражала, тем более что один сырник он успел впихнуть в ее розовый ротик, а второй проглотил сам – надо было перебить и себе, и ей сосущий утренний голод, дабы не отвлекаться час-полтора на желудочные глупости.

Первую помывку под душем она всегда проводила одна, это позже они залезут в ванну вдвоем, упиваясь дополнительным водным соитием и отмачивая свои разгоряченные причинные места. Быстро справившись с надутием матраса и комплектом постельного белья, он еще успел поканючить перед закрытой дверью ванной:

– Ну что там можно два часа делать? Ну ты скоро или нет? Не мучь ребенка!

В ответ получил приглушенный дверью звенящий хохоток:

– Иди постель лучше грей.

Ну что ж, мысль, безусловно, здравая: в постель так в постель.

Наконец поездные запахи смыты, три легких прыжка, и

все три с половиной пуда живого веса с размаха обрушиваются на него. Это хорошо еще, что он, зная ее привычки, успевает закрыться подушкой, иначе и ушибы получить недолго. Зато бедный матрас, как он выдержал?! Сам секс, разумеется, от них никуда не денется, зато вот так радостно повозиться, попищать, покувыркаться, съесть еще по сырнику из тарелки, стоящей на полу, можно только в эти начальные пятнадцать – двадцать минут.

– Почему сюда переехал? У тебя сегодня в институте, что, нет занятий? Действительно будем мебель покупать? – Она спрашивала так быстро, что он не успевал отвечать, заставить ее замолчать могут лишь любовные объятия. Ну что ж, пусть так и будет! Живо превращайся в несравненную Инь, желающую угодить своему Яну и немножко себе. Увы, несовершенство мужской физиологии регулярно все равно возвращало их к разговорам.

– Тебе было хорошо со мной?

– На три с минусом.

Удар кулачком в бок.

– На пять с плюсом.

– Ты скучал без меня?

– Даже не вспоминал ни разу.

Еще толчок.

– Скучал двадцать пять часов в сутки.

– Я не толстая?

– Для грузового лифта в самый раз.

За это аж два быстрых удара.

– Для меня самый идеальный мясной баланс.

Как только перейти к самому главному? Значит, сейчас открываю рот и говорю: я не Дима Волков, а Александр Копылов с миллионом баксов в финском банке и с дачей на Саймаа на три спальни. Сейчас открываю и говорю...

А на часах уже первый час. И требовательный звонок в дверь.

Вошедших два молодых молдаванина быстро все поняли и, закрывшись в гостиной, принялись за нешумную работу. Теперь хозяевам оставалось лишь одеваться, кофейничать и выметаться за пределы квартиры.

– Я должна тебя сфоркать. – Вера достала из своей сумочки фотоаппарат-мыльницу. – Мои товарки сказали, что иначе они меня одну больше к тебе не отпустят.

Однако лишний раз тиражировать свой лик как-то не хотелось, да и Стас осудит.

– Я слишком нефотогеничный. Давай по-другому. – Он принес свою студенческую сумку и достал из него общую тетрадь и ручку. – У тебя зеркала нет?

Маленькое зеркальце у нее имелось.

Сначала он в десять секунд нарисовал ее в анфас, потом, глядя в зеркальце, и себя рядом с ней. Собственное лицо заняло в три раза больше времени. Получилось нечто среднее между настоящими портретами и дружескими шаржами. Когда-то в босоногом коста-риканском детстве отец по-

дарил ему полуминутные песочные часы и на недоуменный вопрос Исабели: какой в них смысл, нарисовал человечка, сказав, что можно почувствовать себя богом, если научиться за полминуты рисовать людей. Сейчас после двух тысяч таких портретов это умение стало тайным оружием Алекса, весьма повысившим его шпионскую профпригодность.

– Ух ты! Как настоящий художник! – восхитилась Вера. – Но фото тоже хочу.

– Обязательно. Но только когда будет подходящий антураж. Твоих товарок хочется убивать не постепенно, а как бы сразу... забыл слово.

– Наповал.

– Точно. Наповал, – обрадовался он, мысленно переводя симпатичное слово из долговременной в оперативную память. – Наше с тобой фото должно быть на фоне «мерседеса» или двухэтажной виллы. Не на фоне же этого матраса.

Против этого ей трудно было возражать. За полгода близкого (ближе не бывает) знакомства Вера мало что узнала про своего питерского кавалера. Знала, что его родители погибли в автомобильной катастрофе и из всех близких у него лишь бабушка в деревне Ивантеевке на Владимирщине. Все ее расспросы наталкивались на его непрошибаемое: «Давай жить без унылого трафаретного прошлого, будет повод, все, что надо, расскажу, а так это как допрос у прокурора». Ну и ладно, решила она, я тоже не буду ему ничего о себе рассказывать. Правда, сейчас трехкомнатная съемная квартира

ужасно распалила ее любопытство, но Вера мужественно подавляла его.

Во время их кухонного ланча неожиданно позвонила Вика Гоголева.

«Мне нужно тебя срочно увидеть», – потребовала фээсбэшница, не утруждая себя лишними приветствиями.

– Ко мне любимая девушка приехала. Никак невозможно, – сказал он, глядя на радостно покрасневшую от его слов Веру.

«Скажи мне такую вещь, дорогой товарищ. Недавно тебя видели в Хельсинки, а Дима Волков, тем не менее, финскую границу не пересекал».

– Наверно это был мой двойник. Каждый приличный человек должен иметь своего персонального двойника.

«Я не намерена с тобой шутить. Что ты делал в Хельсинки?»

– Наследство получал.

«Получил?»

– Естественно.

«А еще что?»

– Дачу на Саймаа купил. Хочешь, могу свозить. Если, конечно, твоя контора тебя за границу выпустит.

«Что еще?»

– Новую квартиру купил, теперь к машине прицениваюсь.

«Последний раз говорю: давай на выход!»

– Все, я кладу трубку! – И он отключил телефон.

– С кем это ты так?! – Вера вся прямо подпрыгивала от любопытства.

– Да так, одна приставучая мадам.

– А эти твои слова...

– Мои понты. Я человек нехороший, когда мне попадается завистливый человек, я все сделаю, чтобы он побольше желчью изошел.

– А со мной у тебя тоже одни понты? Ничего о себе не рассказываешь. Еще и принцип свой придумал: «Давай жить только настоящим и будущим». Может, ты какой преступник. Когда я узнаю о тебе что-нибудь нормальное?

– Увы, это не так просто. Сначала мне надо сделать так, чтобы ты мою тайну не обратила против меня.

– Как это?

– А как делают все женщины: сначала любовь-морковь, а чуть раздрай – и утопить любимого готова в стакане воды.

– Какие мы пугливые, – подначила она. – И как ты собираешься себя обезопасить?

– Очень просто, чтобы любой разрыв со мной стал для тебя смертельно опасен.

– Умеешь ты заинтриговать бедную девушку. И как?!

– Сначала нам нужно будет пожениться, потом родить троих детей, затем я окружу тебя невыносимой роскошью, светской тусовкой, курортами и путешествиями. Лишу тебя работы, всех твоих подруг и старых друзей. И однажды проснувшись, ты поймешь, что малейший развод со мной

или малейшее словесное предательство не только разрушат мою, но и твою жизнь и жизнь наших детей.

– И когда это произойдет? Когда я так проснусь? – допытывалась она, глядя на него по-серьезному.

– Я думаю, двадцати лет вполне хватит.

«Вот же поросенок!» – почти с восхищением покачал головой Стас, слушая их болтовню. Посланный им с утра специально обученный человек уже успел установить в подъезде Копылова два мини-ретранслятора: один за мусоропроводом возле квартиры, второй внизу у консьержки под видом интернетской связи, и теперь капитан прямо из своей берлоги мог наслаждаться речами своего подопечного, уповая, что свои джинсы тот сменит еще не скоро.

– А мы действительно пойдем с тобой мебель выбирать?

Услышанные слова про дачу на Саймаа, новую квартиру и машину, так же, как и про трех детей, Вера, к удивлению Алекса, как-то совсем не стала комментировать.

В лифте этажом ниже к ним присоединился хорошо одетый мужчина с боксером на поводке, он вежливо поздоровался и с интересом посмотрел на железнодорожную униформу Веры. Консьержка баба Тома тоже проводила их запоминающим взглядом. На выходе они разминулись с женщиной с пакетами дорогих брендовых покупок и также обменялись вежливыми приветствиями.

– Какой у вас ондатровый дом, – заметила Вера, окидывая двор, полный иномарок.

– Почему ондатровый? – завис Алекс. При всем своем блистательном знании русского языка он до сих пор регулярно попадал впросак.

– А ты что, не знаешь? При советской власти так называли все дома, где жила номенклатура, только они носили ондатровые шапки.

Что такое «номенклатура» Алекс спрашивать не стал, решил посмотреть в словаре. Мебель они поехали смотреть сперва в магазинах поблизости, потом подались в центр. Впрочем, это были смотрины не столько мебели, сколько друг друга, этакая негласная притирка насчет общего хозяйства: у кого какой вкус. Больше всего Алекс опасался, что Вера будет делать стойку на самые дорогие и помпезные гарнитуры, но нет, подруга только скептически хмыкала на них,

называя отстоем «новых русских». Не впечатлили ее и более дешевые наборы спален, кабинетов и гостиных, сказала, что прессованные опилки – это позавчерашний день. Мебель из чистого дерева оценила повыше, но тоже без особых ахов, мол, трудно подобрать в одном стиле полные наборы. Полностью совпали у них вкусы лишь на кухонные гарнитуры, тут красивый пластик был как раз уместен, два из них они почти выбрали, но требовалось все обмерить и внести свои пожелания, чтобы потом дома была полная икебана. Одобрила Вера и понравившиеся ему два книжных шкафа, а также компьютерный столик для кабинета.

Ничего мебельного они, однако, так и не купили. Зато после обеда в недорогом кафе прошлись по одежным магазинам, и Алекс купил ей нарядную куртку.

– Ты не хочешь, чтобы я приходила к тебе в своей форме? – заподозрила Вера.

– Именно так. В следующий раз мы вообще обновим весь твой гардероб. Пора заниматься большой светской жизнью.

– Следующий раз будет не скоро. Сегодня я возвращаюсь в Москву, а послезавтра еду на свадьбу двоюродной сестры в Казань. На целую неделю. Хочешь, поедем со мной?

Ну куда ж ему оторваться от дел шпионских! Внутренне он даже вздохнул с облегчением – отпала необходимость скрывать свою предстоящую поездку на дачу.

– Не могла меня заранее предупредить. Купишь сестре от моего имени какой-нибудь холодильник или стиральную ма-

шину. – Алекс вручил ей десять тысяч.

– Зачем так много? – запротестовала она.

– Моя бабушка называет это замашками барского петуха.

Ну вот такой я петух!

Время еще оставалось, поэтому они сходили в кино, после чего он проводил Веру до Московского вокзала и поехал на свое Выборгское шоссе. К приходу инструктора успел еще купить в местном мебельном раскладной кухонный столик, две табуретки, маленький телевизор и бутылку коньяка, оставшись с последней сотней рублей в кармане.

Стас появился в десятом часу с рюкзаком и двумя объемными челночными сумками, в которых вместились почти все копыловское имущество: от ноутбука с принтером до содержимого холодильника и книг.

– Чтобы я еще малолеткам личным грузчиком был... – негодовал Григорьич, сваливая принесенный центнер в прихожей. – Чаевые приготовил?

– А как же! – Алекс вытащил из-за спины коньяк.

– Откуда ты только такой ушлый! – посетовал Стас и двинулся на осмотр жилплощади. Квартира ему понравилась, особенно, что во двор выходила лишь одна комната, а остальных три окна смотрели на шоссе с цепочкой двухэтажных магазинов – меньше вариантов с оптическим слежением.

– Выбираете места для своих жучков, – не удержался от подначки Алекс. – А если тут мебели не будет, куда приспособ-

собите? Это я так, для интереса. А на мою дачу у вас жучков хватит? Там комнат побольше будет.

Капитан ноль внимания. От коньяка он отказался, от чая нет, молча смотрел, как Алекс управляется с кипятком на разложенном кухонном столике.

– Она развела тебя, как школьника.

– Судя по ее истерике – нет, – Алекс не сразу сообразил, что речь о фээсбэшнице. – Для провокации выбрала бы другой момент. Начальство вздрючило, ну она и сорвалась.

Стас глянул на своего фабзайца с некоторым удивлением.

– Да ты у нас тонкий аналитик! Даже я тебя не каждый раз пасу, а им это зачем?

– Может, на границе с камер наблюдения кто-то мой портрет срисовал. Ведь есть же программа идентификации физиономий по отдельным точкам.

– Ладно, посмотрим, что дальше будет.

Капитан полез в карман и вынул конверт с пятью тысячами баксов.

– А можно я пока не буду отдавать ваши тридцать тысяч? – попросил Копылов, забирая конверт.

– Что, и в самом деле собрался машину покупать?

– Предлагаете мне туда на вашей «шестерке» ехать? Там тогда точно поймут, что я с российскими спецслужбами не связан.

Инструктор выразительно посмотрел на часы. Алекс послушно поменял в мобильнике симку. Теперь оставалось

только гонять чай и смотреть по плохо работающему без коллективной антенны телевизору вечерние новости.

Пользуясь случаем, Алекс поинтересовался, победит Путин Зюганова в первом туре выборов или будет второй. Стас уверил, что второго тура не будет. Не обошли стороной и кагэбэшное прошлое и.о. президента. Капитан и здесь придерживался твердого мнения:

– Такое прошлое никогда ни при каких обстоятельствах не даст нам подружиться с Западом. И это очень хорошо. Про Большую игру слышал?.. Ну вот, она будет продолжаться, так что нам с тобой работы не убудет до скончания века.

Обещанный звонок по защищенной симке прозвучал ровно в назначенное время. У Стаса был с собой нужный проводок и диктофончик, по которому он мог не только записывать, но и слушать через наушник их телефонный разговор.

После пароля и отзыва густой Голос спросил:

«Готов к поездке?»

– Если будет тачка, то да, – глядя на капитана, отвечал Алекс.

«Завтра получишь, что просил. Встреча в торговом центре “Аэлита”. В шестнадцать пятнадцать будешь возле него и получишь по телефону дальнейшие указания. С собой в маленьком пакете иметь все копии твоих документов, включая метрику, аттестат зрелости, приписное и реквизиты твоего валютного счета в питерском банке. Кстати, потом чтобы не забыл оригиналы этих документов взять с собой на дачу».

Стас знаками и губами показывал: два дня.

– Чтобы все собрать, мне нужно два дня, – сказал Алекс. –

Часть документов у меня на старой съемной квартире, а может, даже в Москве. Их еще найти надо.

«Хорошо», – произнес после небольшой паузы Голос.

Капитан заговорил, когда подопечный сменил симку в своем мобильнике.

– Что-то они разнюхали, раз лучше проверить решили?

– А валютный счет им зачем? Неужели хотят мне в Питер денежки переслать?

– Или казначеем тебя назначить всем местным кротам, – предположил Стас.

– А зачем два дня?

– Как ты думаешь, твои школьные ксивы мгновенно делаются?

Встреча с пиндоским агентом прошла без особых изысков. В торговом центре «Аэлита» Голос позвонил Алексу еще раз и направил в туалет второго этажа. Там из кабинки в кабинку через перегородку они обменялись двумя конвертами: в одну сторону копии документов, в другую – пять тысяч баксов.

При выходе из туалета Копылов затаился в одном из стеклянных павильончиков, но мало что увидел, вышедший из туалета мужчина держал голову опущенной с надвинутым на ней капюшоном. Единственно, что сумел «срисовать» Алекс, это грузную фигуру и косолапую походку человека в летах. Наружка Стаса преуспела ненамного больше, зафиксировав лишь очки и кудлатую бороду, явно наклеенную. Вдоволь нащелкав снимков, наружка, дабы себя не засветить, в метро за Голосом не последовала.

На покупку машины у Алекса ушло еще три дня. Он где-то вычитал, что большие вещи следует покупать в два захода: сначала выбрать и почти купить, но конкретно платить лишь на следующий день на холодную голову. Стас категорически отказался помогать ему с покупкой, мол, автономный агент так автономный, поэтому по автосалонам Алекс отправился вместе с Циммером, как главным советчиком и спонсором. Адвокат, получивший от Копылова месяц назад

сто тысяч тугриков за операцию с наследством и восстановлением паспортов на изначальную фамилию, согласился на выдачу нужного займа легко, но со своим условием:

– Я тебе пятнадцать тысяч баксов, а ты мне потом плюс пятьдесят тысяч. Свой ресторан хочу открыть, – признался он под требовательным взглядом Алекса.

Два дня они всячески терроризировали автосалоны: агенту трех разведок непременно хотелось новый «мерседес»-универсал, но по цене бэушной.

– Давай лучше на авторынок, там вдвое дешевле, – уговаривал Циммер. – Я мастера пригоню, он всю машину обложит – и будет что надо.

– Хочу, чтобы и духом не пахло бывшего владельца, – упрямылся тройной шпион.

Дело закончилось тем, что адвокат обзвонил своих богатых клиентов и нашел толстосума, который как раз продавал двухлетней выдержки универсал, чтобы купить более престижный лимузин.

Черный «мерседес» с кожаным салоном сверкал и переливался. Стоящий рядом с ним сорокалетний бизнесмен выглядел совсем демократично. И после того как Алекс объяснил, зачем ему нужен именно «универсал» (с девушкой любовью заниматься), и вовсе с улыбкой сбросил с цены две тысячи и даже подарил юному покупателю свою визитку.

– От нее тебе будет пахнуть только большими деньгами, – сказал адвокат о машине. Все, включая охранника бизнесме-

на, рассмеялись, и это решило дело.

Правда, позже, когда все документы подмахнули и Алекс с довольным видом воссел за руль и уверенно тронул машину вперед, Циммер не удержался от шпильки:

– В этом катафалке ты похож на водилу-деревенщину нового русского. Не забудь выучить: «Чего изволите, барин?» Очень пригодится.

Алекс не стал даже отвечать, лишь довольно в полный рот улыбался. Катафалк идеально слушался руля, чем выгодно отличался от московского «опеля» Зацепина, которым Алекс пользовался в Москве во время шпионских рейдов «дяди Альберто» в Западное полушарие. А просторный салон устранял ощущение расплюсченности, которое Алекс испытывал в обычных седанах. Нарезав по Питеру несколько кругов-зигзагов, он повез Циммера к себе на Выборгское шоссе – показывать свое новое пристанище.

Квартира Циммера не впечатлила:

– Со своими копейками мог бы что-нибудь и приличнее себе в центре купить.

– Да что ты такой зануда стал! Все тебе не так! Мое первое правило: не подпускать к себе нытиков и неудачников. Смотри: опалу на тебя наложу, отлучу от царского трона, – пригрозил Алекс.

– Вот же сопля зеленая! Где только таких слов нахватался! Лучше скажи, когда на дачу едем?

Дача Циммера располагалась через участок от копылов-

ской дачи. Собственно, это именно адвокат убедил Алекса стать финским домовладельцем «по соседству».

– Не знаю, пока не могу. Может, через месяц, – соврал он, быстро прикидывая, сумеет ли потом скрыть от Циммера свою тайную поездку на Саймаа.

Чем ближе подходил момент отъезда, тем Алекс испытывал все больший мандраж. В первый свой вояж в Хельсинки он мало чего боялся, даже свою вербовку в Норд-Банке воспринял как некое продолжение игры в нелегалов, к которой его хотели приохотить сначала в янычарской школе, потом Зацепин и Стас в Инкубаторе. Сейчас же настойчиво закрадывался страх элементарного тюремного наказания за волковых-копыловых, или за трех-четыре-х коста-риканских полицейских, застреленных его родителями при бегстве с виллы в Лимоне, или еще какая шпионская хрень. И эта великая американская судебная дурь: за отказ от сотрудничества (а обман это и есть отказ) раздавать по 20–40 лет тюремной отсидки. Приходил даже в голову вариант с летальным исходом в автоаварии – дабы скрыть перед их начальством, как они промахнулись с его вербовкой – даром, что ли, Стас каркал ему о недожитии до 21 года.

Сильней страха за собственную судьбу было лишь сожаление, что он к этому должным образом не подготовился. Ведь подготовились же его родители, когда отправили в Москву свою смертельную шифровку о 30 кремлевских сановниках: и наследством сына обеспечили, а мама и вовсе видеообра-

щение ему организовать сумела. И в последний день Алекс не придумал ничего лучше, чем отправиться в нотариальную контору и оформить свое завещание. После чего нагрянул в офис к Циммеру передать полученный документ.

– Ой-ля-ля, как говорят чукчи! – вытаращился на завещание адвокат. – С чего такие страсти?

– Я же говорил, что нахожусь под программой защиты свидетелей. Теперь я под своим настоящим именем и боюсь, до меня не сегодня завтра доберутся.

В завещании говорилось, что квартира на Выборгском, «мерседес» и счет в Норд-Банке передаются в пользу Веры Орешинной, а дача на Саймаа пополам Вере и самому Циммеру. Про главную наследницу адвокат не слишком удивился, хотя видел пассию Алекса всего один раз, когда они спонтанно встречали в лесу Новый год, зато изумился насчет себя:

– А мне-то с какой радости?

– Тебе за посредничество. Чтобы ты помог ей эту дачу продать и вообще проследить, чтобы все было тип-топ.

– А Вера про твои миллионы знает?

– Еще даже про Алекса Копылова не знает. Вот ты ей все и растолкуешь как надо.

Чуть подумав, адвокат протянул ему лист бумаги и ручку:

– Пиши личное послание. Боюсь, одних моих слов ей будет мало.

Алекс понял, что он прав.

– А что писать?

– Почему ты такой-сякой и почему она для тебя самый дорогой человек на свете.

Копылов хотел было возразить насчет «самого дорогого человека», мол, все не совсем так, но закрыл рот и сел писать письмо, которое потом заклеил и отдал Циммеру.

Наконец все причины для проволочек иссякли, и после пятых или шестых понуканий Голоса настал момент выполнения шпионского долга. С утра пораньше, закинув в багажник дорожную сумку, Алекс кружным путем направился по адресу, указанному накануне Стасом, гадая, будут ли это новые инструкции или какие-либо хитрые электронные аксессуары. Каково же было его удивление, когда, войдя в нужный подъезд, он обнаружил рядом с квадратным инструктором миловидную девушку в короткой нарядной шубке.

– Это Ева, а это Алекс, – непринужденно познакомил молодых людей инструктор. – Она едет с тобой. Ты же просил девушку Бонда. Получи и распишись.

Ни о чем таком вчера еще и намек не было. Но не устраивать же по этому поводу пререкания. Он просто подхватил колесный чемоданчик у ног девушки и первым вышел из подъезда. Стас их до машины не провожал. Предполагается, что я просто заехал за ней, живущей в этом доме, догадался Алекс.

Уже в машине Ева, изячно извиваясь, скинула свою шубку и положила ее на заднее сиденье, оставшись в симпатичном жакете и короткой юбке. Неужели она тоже офицер ГРУ, озадаченно думал он. Искося наметанным взглядом портрета оценил ее лик. Лет 25–26. Носик с небольшой горбин-

кой заставил его улыбнуться – ему всегда нравилось, когда у записных красоток имелся некий очаровательный изъян.

Пока выбирались из города, девушка молчала столь же непринужденно, как и он сам. Ну что ж, не хочешь ничего объяснять, пожалуйста – он нацепил на уши наушники и включил плеер с уроками финского языка.

Его вызывающее безразличие подействовало. Когда Катафалк выехал за пределы Питера, Ева знаком попросила его снять наушники.

– Поговорить не хочешь?

– Мое дело телячье: могу говорить, могу не говорить.

– Не хочешь узнать расклад наших отношений: где мы с тобой и как познакомились? Где я якобы работаю и из какой семьи?

– А в письменном виде это есть? – не без издевки поинтересовался он.

– Вот. – Она протянула ему листок компьютерного текста.

Алекс положил его на руль и принялся в полглаза изучать. Дорога была пустынной, и это давалось ему без всякого труда. С интересом узнал, что Ева Заславская работает экскурсоводом с немецкими и англоязычными группами, и познакомились они с ней в Эрмитаже.

Быть тупым занудой все больше нравилось ему – пускай сама выбирается из ситуации, ведь учили же ее, как можно и надо разговорить собеседника, а мы посмотрим и оценим. Достав из сумочки две конфеты, она одну протянула

ему. Против этого он не возражал, с удовольствием схочмячил подношение.

По обеим сторонам дороги пошел заснеженный еловый лес.

– Остановись где-нибудь, – попросила Ева.

Наверно, в кустики захотела, решил Алекс и остановил машину на обочине. Девушка не спешила выходить, и он вопросительно на нее посмотрел.

– У тебя зубы острые?

– Зубы?! – Она все же удивила его.

– Укуси меня здесь. – Ева оголила правое предплечье и развернулась в сторону Алекса.

– Зачем?

– Хочу узнать, какие у тебя зубы. Ну!

Он неуверенно потянулся и, вдыхая запах ее тела, замкнул зубы на ее руке.

– Чуть сильнее. Так. Очень хорошо. Теперь чуть выше.

Он куснул чуть выше.

– Только постарайся без синяков. Еще выше... О как хорошо! Еще раз, пожалуйста.

Кроме зубов у него имелись руки и губы, которые она могла остановить одним протестующим возгласом, но возгласа все не было, а остановиться самому значило признать, что он отнюдь не горячий и настойчивый мачо. Следующие пятнадцать – двадцать минут стали самыми кошмарными в донжуанской карьере Алекса. Привыкший к просторным постель-

ным удовольствиям, он никак не мог приспособиться в тесном салоне и уже готов был признать свое поражение, когда прозвучало:

– Саша, обожди, не так. Я сама... Какой же ты ненасытный...

После такого поощрения остановиться уже не было никакой возможности, пришлось все доводить до конца. Откиннутое сиденье, собственные ноги, которые некуда деть, неловкость прежде сноровистых движений. Что за гадость, оказывается, этот американский лимузинный секс!

Через полчаса Катафалк вновь вырулил на дорогу и продолжил свой путь к финской границе. Ева деловито поправляла беспорядок в одежде. У Алекса вид был слегка растерянный – любовные упражнения в антисанитарных условиях не принесли ни удовольствия, ни облегчения, странно, что вообще хоть что-то получилось.

Неожиданно она громко рассмеялась.

– Ты чего?

– А мне даже самой понравилось, как я тебя совратила.

– А ты, правда, любишь, когда тебя кусают?

– Терпеть не могу. Надо же было тебя расшевелить. Дешево и сердито называется.

– Вот зараза!.. – восхитился Алекс. – Ну все, не отделаешься, буду теперь кусать тебя всю оставшуюся жизнь.

– Я тебя еще и царапать научу. Будешь для женщин самым неотразимым, – пообещала она и добавила, чтобы окон-

чательно его добить: – Между прочим, я окончила ту же сто четырнадцатую янычарскую школу, что и ты.

Он, естественно, не поверил и стал въедливо расспрашивать про учителей и про спецфакультативы. Все, однако, сходилось, просто она окончила их альма-матер на шесть лет раньше. Это открытие сразу принесло в их отношения гораздо больший комфорт, чем собачий секс в железной конуре.

По телефонной договоренности с Голосом посылку для Маккоя Алексу должны были передать в придорожном кафе возле Выборга. Как именно это будет, Копылов не знал. И вот в означенном месте показалось нужное кафе – еще советская прямоугольная стекляшка с выщербленными бетонными ступенями и поблекшей вывеской.

Девушка Бонда сразу прошла в туалет, а Алекс подошел к стойке, кинув взгляд на пяток посетителей кафе, ковыряющих вилками пельмени и сосиски с картофельным пюре. Пока изучал ассортимент, почувствовал легкий толчок, оглянулся на проходящего мимо кудрявого парня в распахнутой куртке. Тот тоже оглянулся и сделал знак глазами: за мной. Помимо сумки на плече в левой руке у него была матерчатая сумка.

Алекс послушно последовал за парнем, разглядывая его спину и прикидывая, справится ли он с ним в рукопашной или нет. Выходило – легко справится.

В мужском туалете кудрявый толкнул дверцы обеих кабинок – там никого не было, после чего он обернулся к Алексу.

– Я Сева. Поступили новые вводные: я передаю тебе изделие, но еду за кордон вместе с вами. Подруге скажешь, что я напросился к тебе в попутчики. За сорок баксов. Желательно, чтобы она по этому поводу губы не дула. Сделаешь?

Накрылась медным тазом их стройная разработка – придется исхитриться передать, что их на границе будет не двое, а трое.

– А за кордоном как? До самой дачи?

– Нет. До ближайшей автобусной остановки. Так что с подругой? – взгляд Севы был напряженным.

– А это не пояс шахида, – Алекс глазами указал на матерчатую сумку нежданного попутчика. – Дай я все-таки наберу старшего товарища.

Он вставил в сотовый защищенную симку и нажал кнопку вызова.

– Тут какой-то Сева ехать со мной хочет.

«Все верно. Места в машине что, не хватает?» – спросил Голос.

– Я не один.

«Знаю. Сева уже сказал».

Больше у Алекса возражений не было.

– Жди у машины, – сказал он кудрявому. – Мы с утра только кофе пили.

Нежданный попутчик был полным сюрпризом и для Евы. Они намеренно не спеша поели, сканируя взглядами других посетителей и курящего снаружи под козырьком кафе Севу. Ева ограничилась блинчиками с мясом и двойным кофе со «сникерсом», Алекс же предусмотрительно взял полный обед.

– Какой-то он совсем сявый, – сказала Ева, глядя в окно. –

Сборище малолеток.

Копылов ухмыльнулся – понравилось, что его тоже причислили к малолеткам:

– Мне кажется, его просто втемную используют: «отвези другу сумку и получишь сто баксов».

Тут же, *не отходя от кассы*, Алекс в блокноте набросал портрет Севы. Ева еще раз прошествовала в дамскую комнату, чтобы сообщить по сотовому о расширенном составе. После чего они вышли из кафе. Попутчик вопросительно смотрел на Девушку Бонда.

– Надеюсь, финская виза у тебя имеется? – поджав губы, бросила она.

– Обижаете, фройлен, – весело осклабился Сева, с готовностью закидывая свои сидорки в багажник и залезая на заднее сиденье.

Он сразу же подробно принялся рассказывать, что едет в Хельсинки за машиной, что это не первая у него такая поездка, и как у него там все схвачено, и сколько можно поднять денег с этого гешефта. Ева молчала, Алекс тоже почти не реагировал, но Севу это нимало не смущало, он продолжал хвастать своей удачливостью и искусностью в автомобильных вопросах, даже делал какие-то мелкие замечания об их Катафалке.

Сначала Алекс пытался за таким поведением рассмотреть какой-либо тайный умысел, потом начал тихо злиться – уж слишком все это не походило на что-то серьезное. Немного

отвел душу, когда Сева полез за сигаретой и зажигалкой.

– Курить нельзя!

– Уважаю, – легко согласился кудрявый, пряча пачку.

Через час они были уже на границе. Там пришлось всем троим топтать к пограничному контролю и предъявлять свои паспорта с визами. Для большей надежности Ева сама скрытой камерой щелкнула их спутника.

Таможенный досмотр прошел без особого пристрастия, все три дорожных сумки и два пластиковых пакета заставили пропустить через сканер – и только.

На финской границе не было и этого. Там лишь попросили прямо в багажнике открыть одну из сумок и поинтересовались целью поездки.

В двухстах метрах от пропускного пункта находилась стоянка автобуса. Там Сева попросил его высадить и спросил Алекса, когда они думают возвращаться – вдруг получится вместе ехать. Про долларовую сороковку он также не забыл, хотя отдавал ее после напоминания с видимой неохотой.

Дорога на Хельсинки, куда уже укатил автобус с Севой, находилась слева, на Саймаа справа. Через километр Ева знаками попросила остановиться и выйти из машины. Они прошли вперед метров тридцать.

– Как бы этот гусь не оставил в салоне жучка, – объяснила она. – Думаю, на твоей даче situation не лучше, поэтому давай на письменный режим. Стенографией владеешь?

– Была твердая пятерка, – усмехнулся он.

Она вытащила из сумочки записную книжицу с ручкой и нарисовала каракули.

– «Хвасто... хвастливый мальчишка», – не без труда прочитал он и ответил своими иероглифами:

– «Любовь до гроба», – расшифровала она, одобрительно хмыкнула и позвонила по мобильнику. В трубку лишь слегка кашлянула, но отзыв получила более развернутый. Написала ему в своей книжице: «В его сумке подозрительным был лишь термос».

Ага, понял Алекс, что в термосе, – осталось под вопросом. Это немного успокаивало, значит, он действительно сделал что-то нужное матрасникам. Тот страх, который он испытывал перед поездкой, как-то разом прошел, он снова был легкомысленным фабзайцем, который всему окружающему бодро говорит: «Здравствуй» и готов действовать по ситуа-

ции.

Прошлый раз его на Саймаа вез на своей машине Циммер. Поэтому сейчас Алекс ехал не спеша, напряженно всматриваясь по сторонам дороги – для агента трех спецслужб было непростительно не найти путь, по которому его провезли хотя бы один раз.

Хорошо, что кругом лежал прежний снег, да и малое количество машин позволяло не отвлекаться, а узнавать некоторые дорожные ориентиры. Наконец пошли поселки вдоль Саймаа и стало ясно, что он точно не промахнется. Вот и знакомые воротики дачи Циммера, а за ними и свой дачный ажурный штакетник. Наискосок на другой стороне проезжей части стоял синий минивэн, явно небезлюдный.

– Ну что, любимая, с вещами на выход.

Самым разумным действительно было превратиться в счастливых влюбленных – иначе зачем они здесь. Алекс представил на месте Евы Веру, и изображать Ромео стало совсем не сложно: приобнять, сдвинуть ей шапочку, кинуть снежком, шутливо предложить тащить сумки самой...

– А не слабая у тебя дача! – похвалила она, любуясь красивым брусчатым домом. – Сколько же такая фазенда стоит?

– Сто тридцать пять штук, – ответил он, доставая сумки. – Ты еще моей яхты не видела.

– Ты про яхту не говорил.

– Потому что она у меня еще в проекте.

Увы, за истекший месяц никто снег на участке не расчи-

щал. Поэтому ему пришлось, перемахнув через невысокую калитку и утопая на метр в рыхлой снежной каше, отыскивать в сарае лопату и заниматься расчисткой тропы для своей принцессы. Наполовину справившись с этой задачей, Алекс посадил Еву на закорки и на радость матрасникам из минивэна отнес ее вместе с сумками к крыльцу – знай наших называется.

Настенный термометр показывал в доме десять градусов тепла. Пока Ева осматривалась и занималась сумками, Алекс первым делом перевел регулятор тепла на двадцать два градуса, затем стал оживлять остальные коммуникации: воду, газ, свет, ТВ, интернет. В баре оказалось полбутылки оставленного ими с Циммером коньяка, зато холодильник был totally пуст – подружка Циммера Рая перед отъездом изъяла из него даже кетчуп с горчицей.

Впрочем, у Евы с собой имелись бутерброды с ветчиной и пакет пышек, в шкафчике нашелся чай, и они не столько перекусили, сколько согрелись. Показав Девушке Бонда, где находится пылесос, Алекс, захватив мобильник, отправился расчищать от снега место для машины. Синий минивэн продолжал стоять на месте. Как и ожидалось, через минуту телефон ожил.

«Вы можете сейчас выйти один из дома примерно на час и подъехать к маркету?» – сказал по-английски голос Маккоя.

– Трудно, но попытаюсь, – ответил он и, оставив лопату, вернулся в дом.

– Я все же решил сперва съездить в супермаркет, чтобы захарчиться, а то могут и закрыть. – Объяснение, сопровождаемое утвердительным кивком, Ева все поняла.

– Тортик, кофе и сливки, чтобы не забыл, остальное на твой выбор. – Она протянула ему коробочку мини-транслятора, знаками пояснив, для чего она нужна.

Когда он вышел за ворота, синего минивэна уже не было.

До ближайшего маркета было чуть больше километра. На парковке возле магазина стояли три легковушки и синий минивэн. При приближении Алекса подфарники минивэна мигнули. Припарковав Катафалк, Копылов уверенно направился к мигальщику. Из кабинки выглянул Маккой.

– Садись, – коротко приказал он.

Алекс влез в боковую дверцу. Кроме водителя и Маккоя здесь находился еще один средних лет мужчина. На Копылова так и пахло их недружелюбием. Проехав триста метров, минивэн свернул в сторону и остановился на совершенно безжизненной улочке.

Маккой, или Лупастик, как называл его про себя Копылов за чересчур выпученные глаза, перебрался назад и прилег на сиденье у столика.

– Как дела? – произнес он дежурную английскую фразу.

– Лучше всех!

– Вы не хотите нам ничего сказать?

– Вот. – Алекс протянул ему пакет со своими документами.

– А то, что дали неверный адрес своей съемной квартиры? И про другую школу нам говорили. – Похоже, здесь с копиями его документов уже были ознакомлены.

– Понадеялся, что вы меня не найдете, наверное, – при-

знался Алекс что называется на голубом глазу.

– Выходит, вы намеренно обманули нас, – сердито заметил Лупастик и глянул на второго матрасника, который был явно с примесью мексиканской крови.

– Когда мне выкручивают руки, я еще и не на то способен, – спокойно произнес Копылов. – Вы же прекрасно знаете, что пока у вас мои деньги, я от вас никуда не денусь. Просто мне нужно было время, чтобы хорошо все обдумать.

– И что же вы такое надумали? – с сарказмом бросил Лупастик.

– Что перевозить взрывчатку и кого-то убивать я ни за какие деньги не буду. В остальном на ваш бизнес согласен.

Оба агента снова переглянулись. Водитель тоже внимательно все слушал.

– Какой может быть бизнес с лгуном?! – Маккой строго буравил Алекса своими моргалами.

– Я же сказал, что все обдумал и клянусь быть честным на девяносто процентов.

– Почему на девяносто? – встрял в разговор Мексиканец.

– Здесь в России без небольшого обмана или лукавства жизнь теряет половину своей привлекательности.

Матрасники молчали, не в силах даже комментировать подобные речи. Потом Мексиканец из-под столика достал большой прямоугольный футляр.

– Раздевайтесь, – сказал Маккой.

В футляре находился старый знакомый – новенький по-

лиграф.

– Здоровье мое проверять будете? – снимая куртку, полюбопытствовал Копылов. Ему никто не ответил. Зато он был рад, что успел сказать о своей неполной честности.

Раздетому по пояс, ему закрепили на голове и теле все необходимые датчики.

– Это что: детектор лжи? – проявил он свою догадливость.

В полутора километрах от минивэна, укутавшись на кресле в теплый плед, Ева по вставленному в ухо наушнику внимательно слушала, записывая их разговор.

– Постарайтесь забыть про свои десять процентов, для вас это очень важно, – предупредил Лупастик, беря в руки листки с вопросами и знаком разворачивая Алекса спиной к полиграфу.

– Готовы?

– Готов.

– Александр ваше настоящее имя?

– Вообще-то Алехандро или просто Алекс.

– Отвечайте только да или нет. Александр ваше настоящее имя?

– Да.

– Любите нарушать закон?

– Скорее, нет.

– Ваша подруга, что приехала с вами, сотрудник ФСБ?

– Нет.

– Вы были ранены?

– Да.

– Это была американская пуля?

– Да.

– Вы любите Россию?

– Да.

– Вы богаты?

– Нет.

Лупасник поднял глаза, но не стал останавливаться.

– Вы болеете СПИДОМ?

– Нет.

– Стреляете хорошо?

– Да.

– Ваша мать жива?

– Нет.

– Приходилось кого-то убивать?

– Нет...

Опрос занял минут двадцать. Алгоритм вопросов был обычный: простой, средний, сложный, простой, средний, сложный.

– Хорошо, – сказал Лупастик, откладывая листки в сторону. – Одевайтесь. Почему вы сказали, что не богаты?

– Разве полтора лимона баксов это богатство? Так, стартовый капитал.

Маккой взглянул на Мексиканца.

– Мимо не десять процентов, а все двадцать, – деловито ответил тот.

– Теперь еще один тест, – Лупастик достал из папки новые листки. – Готовы?

– Только горло сполоснуть. – Алекс потянулся без спросу за пластиковой бутылкой под рукой водителя и отпил несколько глотков.

– Самая высокая гора Австралии?

– Костюшко.

– Площадь круга?

– Пи эр квадрат.

– Что такое дебет?

– Прибыль от предприятия.

– Самая длинная река в мире?

– Амазонка.

– Сколько фильмов в год выпускает «XX век Фокс»?

– Понятия не имею.

– Кто лучший американский писатель?

– Уильям Фолкнер.

– Имя первого астронавта?

– Юрий Гагарин. Он и для вас должен быть первым.

– Сколько заключенных погибло в ГУЛАГе?

– Чуть больше, чем американцев японского происхождения в лагерях США.

– Что такое перигей?

– Ближайшая точка от земли небесного тела...

Вот когда по-настоящему пригодились энциклопедии, которые он листал дома в Коста-Рике, да и 114 янычарская

школа-интернат была в этом смысле то что надо. Спohватившись, он под конец стал притормаживать, сознательно давая неверные ответы – дабы не уличили в слишком основательной подготовленности.

– Совсем неплохо, – похвалил Лупастик, откладывая и этот опросник.

– Вам в Питере любой любитель кроссвордов ответит точно так же.

Потом последовал тест по IQ. Это было уже совсем просто. Он выбирал нужную картинку почти автоматически. Но из-за скорости несколько раз явно ошибся, поэтому набрал всего 104 балла.

– Раньше проходили этот тест? – решил уточнить Маккой.

– Разумеется. Правда, последний раз у меня получилось 120 баллов.

Лупастик с Мексиканцем посмотрели друг на друга.

– Какие личные планы в этой поездке?

– Покупка большой плазмы и прибабасов для моей новой квартиры в Питере.

– А как насчет новых компьютеров? Вы ведь, кажется, хотели открыть фирму по компьютерным играм.

– Пока у меня нет команды, это без толку. Да и вы как всегда мои деньги зажмете.

– Вы валютный счет в банке открыли?

– Он у меня был еще в прошлый раз. Но вы перекрыли мне кислород в Норд-Банке.

Дальше оставалось договориться только о завтрашней встрече в Хельсинки и вернуть Алекса к его Катафалку. При расставании Маккой задал еще несколько вопросов про Еву. Тут Алексу тоже нечего было скрывать. Да, работает экскурсоводом, знает немецкий и английский, да, живет одна в однокомнатной квартире.

– А то, что она гораздо вас старше, не смущает?

– Ого! Американцу вы такой вопрос не посмели бы задать!.. Нет, не смущает. Люблю интересных людей. Мне даже с вами приятно общаться.

– Тебя только за смертью посылать! Что, и в Финляндии в магазине очереди? – произнесла Ева вслух, принимая у него пакеты с продуктами и показывая свою книжицу: «Все записала и отправила. Ну ты и фрукт, однако!»

– Да так, еще прошелся по деревне немного, – таким же душетом отвечал он. – «Я тебе не профи, а лопухий фабзаяц. Что хочу – то и говорю!»

– Я тоже пройтись хочу. – «Не заиграйся, смотри!»

Он быстро нарисовал лики Мексиканца и Водителя, Ева их пересняла, после чего они с чувством исполненного долга и в самом деле прогулялись по окрестностям.

Вернулись, когда уже стало смеркаться. Пока Ева на скорую руку готовила легкий ужин из полуфабрикатов, он взялся за главную фишку коттеджа: расжег печь-камин со стеклянными дверцами, затем притащил из спален несколько подушек и одеял и устроил на полу роскошное ложе – оттуда смотреть на огонь было удобней, чем с дивана и кресел. Открыли бутылку итальянского вина и, развалившись, медленно потягивали его из высоких бокалов, закусывая пиццей, паэлью и фруктами.

Под влиянием его легкомыслия у Девушки Бонда тоже проснулось шаловливое настроение. Чтобы еще больше добить возможных «слушачей», она нашла по ТВ немецкий ка-

нал и взялась учить Алекса расхожим тевтонским фразам. Он принял правила игры, достал из сумки «Евгения Онегина», дабы она могла следить по книге, и прочитал ей по памяти две первых главы – заодно продемонстрировал ЦРУ и К°, откуда растут уши его образованности и памятьвости.

Ева не могла скрыть своего восхищения, на что он тут же с готовностью заявил:

– Возьму тебя в жены не раньше, чем ты сама выучишь эти две главы.

И тут же получил подушкой по голове – в этом патентованная гэрэушница мало чем отличалась от Веры.

Чуть позже они снова каждый на своем ноутбуке вышли в интернет. Не успел он просмотреть новости, как к нему по имэйлу пробилась из Штатов Даниловна, его интернатовская одноклассница Марина Сабеева. Не выказав среди янычар больших шпионских способностей, она через отца, полковника Генштаба, добилась, чтобы ее послали учиться в Америку в Гарвард – отыскивать самостоятельно великие американские военные тайны. Обычно они переписывались с ней заочно: он просто заходил в ее почту и оставлял в «Черновиках» свое послание, так же действовала и она, а сегодня ее вдруг прорвало, захотелось нарушить в кои веки их школьную конспирацию.

«Ты где?» – написала она.

«На даче».

«Один?»

«Не совсем».

«С Верой?»

«Нет. С другой особой».

«А почему тебе с ней плохо?» – тут же определила Даниловна.

«Какое плохо! Лежим на полу, смотрим на огонь и пьем хорошее вино».

«Я тоже хочу».

«Садись на самолет и прилетай».

«Хорошо, через сорок секунд уже вылетаю».

– Ты с кем это тут переписываешься? – проявила здоровый женский интерес Ева.

– У мужчин свои секреты, – прикрыл он ноутбук. Они снова чокнулись и выпили.

«Ты засветился?» – оценила возникшую паузу Даниловна.

«Как твой Стив?» – спросил он о ее бой-френде, которого она месяц назад привозила с собой в Хельсинки и чья внезапно сломанная нога помешала их романтическому свиданию.

«Цветет и пахнет. Уже вовсю в теннис играет».

«А почему тебе с ним так плохо?» – уже послав фразу, он пожалел о своей бесцеремонности.

«Потому что мое сердце у твоих ног», – достойно осадила она его.

«Тогда пока?»

«Тогда пока», – и разговор закончился.

Следом закрыла свой ноутбук и Ева.

– А сауна на твоей ферме действующая? – вдруг вспомнила она.

– Пошли проверим.

Лучше бы он этого не предлагал. Сауну им удалось раскочегарить достаточно быстро, но потом... То, чего не было заметно в Девушке Бонда в одежде, во всей красе предстало в голом виде. Четко обрисованные бицепсы на ее тонких предплечьях производили отталкивающее впечатление, словно это не девушка, а юноша-подросток.

– Каждый день качаешься? – спросил он, встретив ее вопросительный взгляд.

– Каждый день не получается, – почти горделиво ответила она. – Но я потом даю двойную нагрузку.

Тут он заметил еще одну штуку: маленький шрам над правой грудью.

– Покажись, – попросил он, заглядывая ей за спину. Так и есть: на спине у нее имелось выходное пулевое отверстие. – Бандитская пуля?

– Типа того. А у тебя, я вижу, целых два ранения, – Ева тоже по достоинству оценила его поврежденный бок и такой же пулевой шрам у основания шеи.

Что было на это сказать? Что между мужскими и женскими ранениями, как сказал классик, дистанция огромного размера? Уж лучше бы у нее какое косоглазие или хромота были, чем это боевое отличие.

Когда легли в постель, случилась новая напасть. Камасутра в его исполнении дважды встречала ее поправки: «Мне так не нравится». Пришлось обходиться тем, что ей нравится. Представить подобное с Верой было просто невозможно. Вот тебе и Девушка Бонда по-русски!

– Что-то не так? – спросила она, когда, лежа уже с ней по отдельности, Алекса слегка передернуло от прикосновения ее локтя.

– Просто совесть нечистая, вот и вздрагиваю, – отшутился он.

Утром их разбудило яркое мартовское солнце, при свете которого все приобрело особые радостные и яркие оттенки. Сам гектарный приусадебный участок с березами, соснами и елями, берег безбрежного озера – внушали покой и оптимизм. Простая деревянная мебель, которая месяц назад показалась Алексу чересчур простоватой, вдруг предстала высшим дачным шиком, и он понял, как примерно ему обставлять свою питерскую Треххатку. А все-таки правильно, что я купил эту дачу, решил он.

Сытно позавтракав, они вскоре уже катили на Катафалке на юго-запад.

Дорога до Хельсинки при полном отсутствии пробок не заняла много времени, и еще до полудня Алекс с Евой уже были возле Норд Банка, где Алекс по договоренности с Максом без всякой задержки снял со счета восемьдесят тысяч американских тугриков. Потом они с Евой разделились: он завез Девушку Бонда в торгово-развлекательный центр, а сам поехал по указанному Лупастиком адресу.

В больших апартаментах его уже ждали Маккой и пара служащих, мелькавших в глубине квартиры. На Копылова обрушился новый град всевозможных тестов.

– Зачем это? – пробовал он возражать.

– Проверка твоего потенциала, – строго объяснил Лупа-

стик. – От этого напрямую будет зависеть твой статус.

Тесты шли по нарастающей, настоящий натиск на все его мозговые извилины, даже Стас не так лютовал. В первую очередь это касалось проверки памяти, сообразительности и наблюдательности. Запоминать пришлось номера телефонов и машин, названия улиц и магазинов, выявлять отличия двух похожих картинок, неправильности в цепочках знаков и букв, собирать разбросанные слова в правильные фразы, быстро считать и умножать, и даже заучивать наизусть английские стихи. Потом пошли тесты на проверку его коммуникабельности и лидерских способностей, тут ему, природному интроверту, пришлось сильно исхитриться, выдавая себя за любителя человеческого общества. Больше всего Алекса изумил диктант по русскому языку. Вошла ухоженная русская женщина, хорошим учительским голосом зачитала ему двухстраничный текст, а потом, к его досаде, исправила красной ручкой десяток ошибок – сильно сказывалось до сих пор, что первое русское слово он выучил лишь в тринадцать лет.

– Это потому, что у меня мозги уже совсем не работают! Вначале надо было диктант давать, – высказал он свои претензии.

Наконец тесты закончились, и они с Лупастиком остались тет-а-тет.

– А теперь объясняйте, почему вы такой образованный? – сказал Маккой, тяжелым взглядом буравя его.

– Во-первых, хорошая американская школа в Лимоне, во-вторых, элитный интернат в новосибирском академгородке, в-третьих, не самый слабый московский вуз, в-четвертых, я всегда выбирал себе самых продвинутых приятелей – это, как известно, самый лучший способ получения знаний, в-пятых, я просто очень способный, и если вы этого еще не поняли, то зря ваши родители потратили столько денег на ваше образование.

На лице Лупастика не дрогнул ни один мускул.

– Ну что ж, если вы так любите умных приятелей, то я вам в этом сильно помогу.

Алекс был весь внимание.

– Откроете в Петербурге английские курсы с выдачей кембриджских сертификатов.

– Вот так просто?! – вырвалось у Копылова.

– Есть помещение, есть вы с английским языком и стартовым капиталом, менеджер и преподаватели будут наняты без вашего участия. Вам только стричь купоны и рассказывать всем о пользе языковых контактов с Британией.

– Полагаю, финансировать я все это должен сам? – решил пошутить Алекс.

– На сами курсы получите нормальный грант. Вот только отчитываться за него вам придется до последнего пенни. Единственное условие: помещение вы покупаете сами.

Тут самое уместное было воскликнуть «вау», но Алекс заменил его русским: «Опаньки!»

– И сколько стоит это «помещение»? Меньше чем за миллион не покупаю!

– Вообще-то это вполне приличный мини-отель почти в центре города. Два года назад, до вашего дефолта он стоил полтора миллиона баксов. Сейчас цена шестьсот тысяч.

– И я покупаю его, чтобы открыть в нем копеечные языковые курсы? Вы меня совсем за дебила держите! – Копылов даже не пытался смягчить свое возмущение.

– Наши учителя в отеле будут не только учить, но и жить. Кроме того, часть комнат можно использовать для других целей. Вы знаете, что такое блогинг?

– Какое-то умное английское слово.

– У вас есть собственный веб-сайт?

– Для других делал, для себя нет. Не было надобности, – насторожился Алекс.

– Это будет ваше второе задание. Открыть свой веб-сайт и превратить его в интернет-газету. Или вы думаете, что мы просто так будем платить ваши две с половиной тысячи в месяц.

Они оба были уже давно на ногах, расхаживая на своем пяточке и махая руками.

– А на кой ляд мне эта интернет-газета? Вам – да, а мне – официально зачем?

– За компьютерными газетами будущее. При известной популярности желающих разместить в ней свою информацию за хорошие деньги найдется предостаточно.

– Давайте я найду для этих языковых курсов контору тысяч за сто пятьдесят, – предложил Алекс.

– Вот смотрите. – Маккой достал стопку фотографий, буклет и схему гостиницы.

Отель назывался «Бирема» и был действительно небольшой: два нижних этажа большого жилого дома с двенадцатью двухкомнатными полулюксами. Главное удобство отеля для школы, по словам Лупастика, состояло в том, что гостиная каждого номера на 20 квадратных метров хорошо подходила под класс для 6–8 учеников, а 15-метровая спальня могла служить жильем для самого учителя. Мол, в России в прошлом году произошло 9 терактов, из них 3 теракта в Москве, поэтому безопасность для школы на первом месте.

Но Копылов держался твердо:

– Вы хотите, чтобы я потом повесился от такого разбазаривания наследства?! В нем и так уже меньше миллиона осталось.

После получасовых споров Лупастик выложил главный козырь: протянул упряму тоненькую папку с документами:

– Это вам для финансового утешения.

В папке были документы на испанском и английском языке.

– Что это?

– Попробуйте сообразить.

Это был договор о продаже дома в Лимоне. Алекс не сразу даже понял, что речь идет об их бывшей семейной вилле.

В договоре наследник Карлоса Гонсалеса Александр Копылов указывался в качестве продавца, а некий костариканец как покупатель. Стояла и сумма в коста-риканских колонах с эквивалентом в долларах США равном 450 тысячам.

Копылов не мог поверить своим глазам. Вилла, из которого их семья бежала 7 лет назад, отстреливаясь от полиции, оказывается, тоже была частью его наследства.

– И что эти деньги?..

– Будут в течение двух недель после подписания договора перечислены на ваш счет в Норд Банк. Вам даже о налогах заботиться не придется – покупатель оплатит их сам с вашего письменного разрешения, разумеется.

– Все, тайм-аут, – взмолился Алекс. – Мне надо привести в порядок мою голову.

– Завтра у вас важная встреча в Британском культурном центре, постарайтесь как можно приличней одеться и придумайте убедительную причину, почему вы хотите заниматься языковой школой, – строго объявил Маккой, передавая Алексу целую пачку бумаг с договором о продаже виллы, разработкой бизнес-плана лингвистической школы и документами на отель.

На этом их встреча закончилась.

Еву он увидел там, где оставил: в торговом центре. Сидела на небольшом диванчике, листала рекламный журнал и слушала через наушники музыку из своего плеера. Встретила его улыбкой Джоконды:

– Ну наконец-то хоть кто-то тебя озадачил.

– На, смотри, интересное дело, – бросил он ей папку с бумагами, а сам отправился в туалет рисовать тех, кого увидел на встрече.

– Ничего не поняла, но очень классно! – одобрила она, когда он вернулся.

Не выходя из торгового центра, они отправились в отдел мужской одежды, где после споров прикупили Алексу для завтрашнего рандеву дорогой костюм, с рубашкой, туфлями и галстуком. Последний раз он надевал костюм на выпускном в своем интернате. Поэтому в новом прикиде ощущал себя довольно неловко. Дабы привыкнуть, не стал переодеваться обратно в джинсы и свитер, а так весь остаток дня в костюме и проходил.

Возвращаться на дачу не имело смысла, поэтому они отправились искать гостиницу. Свободный недорогой номер им удалось найти лишь в третьем по счету отеле – маленькую комнатку с душем вместо ванной и висящим под самым потолком телевизором. Хороших люксов везде было предостаточно, но Алекс крутил от них носом:

– Меня только что обули на 600 тысяч, теперь буду экономить.

В номере под тихое звучание музыкального канала они принялись внимательно изучать все документы. Весьма пригодилось прикрытие Евы – работа гидом с иностранцами – она немало знала и про гостиницы, и про языковые курсы.

Правда, название «Бирема» ей ни о чем не говорило.

– Зачем им это может быть надо? – задавался главным вопросом Алекс.

– Вариантов много, – серьезно отвечала Девушка Бонда, – например, дать практику своим агентам, также – весьма удобное место для вербовки питерцев и как место встречи с другими агентами.

– Какая к черту практика агентов! Они же знают, что все здесь будет под контролем ФСБ.

– Им из американского погребя виднее!

Простой расчет показывал, что двенадцать номеров по сто долларов в сутки дает в месяц солидный куш в 36 тысяч долларов, а в год более 400 тысяч. Но это при абсолютно полном заполнении и не учитывая расходов. По словам Евы, один штат должен был составлять не меньше восьми человек, то есть сразу минус 5 тысяч в месяц на их зарплату.

– Добавь к этому загребушие лапы питерского рэкета, ментов и пожарных с эпидемстанцией, не говоря уже о налогах, – продолжала она его «ободрять». – А как будешь справляться с десантом ночных бабочек?

– Ну так что, наотрез отказаться?! – злился он.

– Ни в коем случае!

Проголодавшись, спустились в ресторанчик, имевшийся при гостинице. Судя по всему, он ненамного отличался от буфета призрачной «Биремы». Поэтому не столько ели, сколько запоминаяще глазели на окружающий антураж и

ухватки персонала. Под конец Копылов даже развеселился:

– А может, это действительно будет моим карьерным прорывом: создать свою сеть российских Хилтонов с Шератонами?

– Ну да! Какие твои годы! – подколола Ева и попросила: – А что, если завтра я пойду вместе с тобой? Ведь как твоя официальная подруга я имею право и поучаствовать.

Сначала эта идея показалась совершенно нереальной. Но после бутылки вина запретные скрепы сильно ослабли. И уже поднявшись в номер, Алекс в своем нахальном стиле сообщил по телефону Маккою, что будет на встрече в Британском центре вместе со своей невестой. Лупастик, к их несказанному изумлению, не возражал.

Поэтому на следующее утро они отправились в главный универмаг Хельсинки приодеть как следует еще и Еву. Когда «невеста» вышла из примерочной, Алекс был порядком сражен, настолько новый наряд изменил даже поведение Девушки Бонда: из деловой собранной спутницы она преобразилась в томную надменную салонную леди, излучающую уверенность, что весь мир должен быть у ее ног.

Британский культурный центр располагался в старом сером сооружении, четыре этажа которого были выше панельной питерской девятиэтажки. В вестибюле все было такое же большое и высокое. Маккой уже ожидал их. Их наряды произвели на него должное впечатление.

– Как вам нравится Хельсинки?.. Вы уже были в «Равинтола Айто»? Очень советую. Или в «Спис», только там нужно бронировать столик заранее... – Непринужденная английская речь обрушилась прежде всего на Еву, видимо, чтобы проверить ее степень знания языка. Выпускница янычарского интерната и питерского иняза отвечала с завидной правильностью и лишь с небольшим русским акцентом.

Но вот Лупастик посмотрел на часы, сказал «пора» и повел их на второй этаж к одному из начальников Британского центра.

Ивлин Бектер на первый взгляд представлял собой хрестоматийного англичанина-сноба: сухопарый, с негнущейся спиной, высокомерным взглядом, но стоило ему чуть улыбнуться, и перед вами был совсем другой человек: дружелюбный, понимающий, воспитанный. А присутствие эффектной Девушки Бонда только еще сильнее располагало его к галантному обращению.

– Как вы непростительно молоды! – упрекнул он Алекса,

сразу после обмена приветствиями и рукопожатиями.

– Это мое главное преимущество, – без тени смущения парировал Копылов, – мой жизненный опыт не отравлен неудачами в бизнесе.

Маккой с Бектером обменялись выразительными улыбками.

– Я непременно передам эти слова моему сыну-тинейджеру, – оценил британец.

Несколько вежливых реплик за чашкой чая и новый проверочный вопрос:

– А есть ли у этого проекта для вас то, что Станиславский называл сверхзадачей?

– Разумеется, есть. Обучение английскому языку на высоком уровне и за приличную плату неизбежно приведет на курсы людей продвинутых, стремящихся к деловым контактам с иностранными компаниями. Эти связи для меня и есть самое привлекательное. Мистер Маккой, наверно, рассказал вам, что я, проучившись три года на стационаре московского вуза, перевелся на заочное отделение и уехал в Питер. Но он не знает причины, почему я так сделал. А мне просто надоело ждать, пока мои сокурсники превратятся в успешных деловых людей. С помощью языковых курсов я просто хочу втрое ускорить этот процесс.

И снова Бектер с Лупастиком одобрительно переглянулись. Последние глотки чая и третий выпад:

– А нет ли у вас желания создать еще одно российско-ан-

глийское предприятие?

– Вы подразумеваете, не захочу ли я под каким-либо видом перебраться в Лондон? Увы, в ближайшие годы это никак не входит в мои планы. Психология мигранта не для меня. Сейчас для меня главное – стать по-настоящему состоявшимся человеком в России.

Ни о каких деталях самой языковой школой не было сказано ни слова. Зато сильно удивило некое подобострастное отношение Лупастика к британцу. Сразу вспомнилось, как школьный военрук утверждал, что еще во времена Черчилля Англия взяла спецслужбы Штатов под свой полный контроль. Четыре года назад эти слова казались полной чепухой.

Мило распрощавшись, Копылов, Ева и Маккой покинули кабинет Бектера. Вернее, проводив их в вестибюль, Маккой вернулся назад к британцу за окончательным ответом.

– А ты молодец! – похвалила «невеста». – Они будут полными лохами, если не подпишут с тобой договор.

«Договор на сотрудничество с МИ-6»? – едва не сорвалось с губ Алекса. Быть четверным тайным агентом он уже не хотел всей душой – поди, запомни, что ты кому и как говорил! Правда, позже, сравнив свои впечатления, они оба пришли к выводу, что Бектер мог вовсе не иметь никакого отношения к разведке, и что матрасники его вполне могли использовать втемную.

– Интересно, а сам я смогу на халяву кататься в Лондон? – Как приятно было обсуждать это вслух, без оглядки на «жуч-

ки». Надо везде с собой брать Еву, подумал он.

– Хорошо бы, чтобы и я с тобой могла туда ездить, – вторила ему спутница.

Спустившийся по лестнице Маккой широко улыбался:

– Поздравляю, ваш гранд одобрен. Можете уже ехать загружать учебные пособия.

– У меня есть некоторые вопросы, – заметил Алекс.

Эти вопросы они обсуждали уже в переговорной комнате Норд-Банка. Алекс с удовольствием глянул на окно, в которое месяц назад он запустил мраморную подставку для ручек, когда некий Майкл Гарридо, командированный вербовщик из Штатов, принялся стращать его тюремным сроком за участие в убийстве полицейских в Лимоне. Внутреннее стекло разбилось, но внешнее выдержало удар. Теперь все окно было в целости и сохранности. «Интересно, банк выставил счет матрасникам или простил?»

Пока Ева на диванчике листала киножурналы, Алекс с Маккoем за столом вели отчаянный торг. В десятистраничном договоре было подробно расписаны все обязательства Исполнителя, включая перебои с водой, отоплением, светом и интернетом, не забыты были и ночной шум, тараканы с комарами и крысы, не говоря уже о ежедневной уборке и смене постельного белья. Также был упомянут полный пансион, включая завтрак, ланч, фэйв-о-клок и ужин. За каждое нарушение полагался материальный вычет из общей платы в виде мелких процентов. Сама плата за первых четыре номе-

ра-класса составляла 6 тысяч долларов в месяц.

Прочитав еще раз договор, Алекс небрежно отодвинул его от себя:

– По этим бумажкам, если мимо вашего класса пройдет в свой номер пьяный гостиничный жилец, вы меня оставите совсем без штанов. Так дело не пойдет. Или берите целый этаж, или исключайте пункт о вечернем и ночном шуме. Потом тут расписана ответственность Нанимателей за имущество отеля, но никак не указано их собственное поведение, то есть, сами напившись, они могут кричать и делать все что угодно. И что это такое: «учитывать в питании вкусы и пожелания пансионеров»? Каждый вечер «Вдову Клико» и черную икру? В лучшем случае бесплатный завтрак – и то не английский, а континентальный.

– Я рад, что вы так внимательно относитесь к проработке этого договора. Посмотрим, что можно будет поправить. – Маккой сделал пометки в своем ежедневнике.

– А главное, я не согласен с базовой суммой, – продолжал свои претензии Копылов. – Полторы тысячи долларов в месяц за номер – это слишком мало, если сейчас он стоит три тысячи, а летом в сезон будет четыре – четыре с половиной.

– Это учебный грант, тут больших выплат быть не может.

– В Британском центре – да, – согласился Алекс. – Но ведь есть и другие фонды?

Маккой чуть помолчал, покосился на Еву, но та продолжала безмятежно вникать в интервью голливудских звезд.

– Теперь о моих роялти. Если бы вы позволили мне эти шестьсот тысяч просто перевести в Питер и положить в банк под восемь процентов, я бы чистой ренты с них имел сорок восемь тысяч или по четыре тысячи в месяц. Плюс две тысячи мне нужно для двух охранников с английским языком для ваших бритов. Плюс две с половиной тысячи, которые вы мне обещали и ни разу еще не выплатили. Итого восемь с половиной тысяч баксов в месяц по самому минимуму. Я уж не говорю о тех тратах, которые мне придется сделать, переоборудуя номера в учебные классы.

– Какие еще будут условия?

– Предупредите тех, кто придет, чтобы не смотрели на меня как на слугу, иначе их ждет не самое приятное открытие. Знаете, в России лакейский синдром не очень приветствуется. Гостеприимство – да, угодничанье – ни за что на свете!

Лупастик уже не улыбался. Его надежда, что сейчас они все подпишут и переведут деньги, горела синим пламенем. Не оправдался и расчет, что при своей невесте их горе-агент не станет мелочиться. Слухи о широте русской души были явно преувеличены.

– Что еще?

– Постарайтесь присылать людей некурящих и, конечно, никаких наркотиков, – невозмутимо гнул свое Копылов.

– Это все?

– Не совсем. Мне нужно от вас письменное разрешение

на сотрудничество с ФСБ.

Маккой сильно дернулся, едва не свалившись со стула.

– Вы сказали ФСБ?!

– Ну да. Вы разве не знаете, что в России любая гостиница, тем более с иностранцами, под контролем нашего гестапо. Я, конечно, могу отказаться сотрудничать с ними, но тогда они найдут другого стукача. Хотите, чтобы все свои доносы я сначала показывал вашим людям – пишите расписку.

– Это вы так шутите?

– У вашего Джеймса Бонда было право на убийство, у меня будет право на ФСБ. По-моему, классно!

– Вы же понимаете, что сам все это я решить не могу, – взмолился цэрэушник.

– Тогда до завтра. Или как?

Лупастик не ответил. Молча смотрел, как Алекс встал, жестом поднял Еву и не прощаясь прошествовал к двери.

– До свидания, – все же произнесла Ева, знаками показывая, что она и сама не в восторге от нрава своего жениха.

«Я буду три дня смеяться, если они с тобой, паразит, что-то подпишут» – было первое, что написала она в своей книжке, едва они сели в Катафалк.

И все же на третий день переговоров и ругани все нужное было подписано. В договоре исчезли пункты о полном пансионе и шумах, добавились обязанности учителям и должность школьной консьержки за счет британцев, естественно. Про расписку о ФСБ по общему умолчанию не вспоминали, сочли за дуболомный русский юмор.

Обсудили в отсутствие Евы и интернет-газету.

– Ваша аудитория: золотая молодежь, студенческая тусовка и теневые лидеры. Будет также неплохо, если у вас получится создать популярный молодежный клуб, – высказал дополнительное пожелание Маккой.

Правда, на стартовые газетные расходы выдал всего пять тысяч. Да и грант снизил до семи тысяч. Зато Алекс сумел отбояриться от полного пансиона.

Наконец, все подмахнули, и транш на двести тысяч тугриков был отправлен из Норд-Банка в Питер – Алекс стоял на смерть, говоря, что купит отель только после прихода в российский банк денег из Коста-Рики от продажи виллы.

В Хельсинки им пришлось задержаться еще на полдня – загрузить под завязку Катафалк. То, из-за чего был куплен «универсал»: превращение задних сидений с багажником в двuspальное ложе для их с Верой автопутешествий, было использовано под нормальный грузовик, куда кроме десяти па-

чек с учебными пособиями вошли двухметровая плазма, три стационарных компьютера, пара ноутбуков, цветной принтер, кухонная техника для Треххатки, упаковки с посудой и постельным бельем. Свою лепту в этот шопинг внес и Лупастик, вручив Копылову три коробочки с новенькими «Моторолами», одну самому отельеру, а две должны были забрать визитеры в Питере.

– Они что, стреляют отравляющим газом? – сказал Алекс, получая гостинец.

– Перестаньте говорить глупости, – не принял шутки Маккой. – В них всего лишь чип – отслеживать, где именно этот телефон находится. Иногда полезно бывает знать, где находится тот или другой человек, особенно когда это касается вас.

Пока выезжали из города, Копылов только подозрительно косился на свою коробочку, но у первого же дорожного супермаркета притормозил, чтобы купить рулон кухонной фольги. Обернув «подарок» одним слоем фольги, Алекс позвонил на него со своей «Нокии» – звонок проходил. Обернул вторым слоем – звонок пропал. Для надежности он обернул еще и третьим слоем «Моторолу», лишь тогда чуть успокоился, хотя на всякий случай еще и музыку включил по радио.

– Архимед! – саркастически прокомментировала его ноухау Ева.

– Законы физики учить надо! – горделиво заявил он.

Сначала они заехали на дачу, заплатили в поселке коммуналку, основательно попиروвали у любимого камина, попарились в сауне и уже на следующее утро, приведя дом в «режим ожидания», двинулись по холодку в питерскую сторону.

На финской границе все было спокойно и быстро. Зато на российской стороне ретивый таможенник приказал им все из багажников доставать и предъявлять для досмотра. Слава богу, из домика вышел еще один служивый, что-то сказал на ухо ретивому, и разгрузка была прекращена.

Алекс при этом старательно искал глазами, не выглядывает ли откуда-либо лик Стаса. Инструктора не обнаружилось, зато вместо вишневой «шестерки» за ними вскоре увязалась некая «Нива». Позвонив куда следует, Ева успокоила агента четырех спецслужб:

– Берегут нас от дорожных гопников.

До самого дома сопровождение не дотянуло, отстало у въезда в Питер. Пришлось им с Девушкой Бонда разгружаться самим. Потея под плазмой, Алекс совсем не смотрел по сторонам и не заметил Веру, из-за детской горки наблюдавшей за их хозяйственно-супружескими действиями. Терпения проводницы хватило ненадолго, поэтому она не увидела, что после разгрузки Ева в дом не пошла, а отправилась на такси к ожидающему ее отчету начальству. Уходя, Вера не плакала, просто шла скорым шагом. Лишь возле метро приостановилась, чтобы бросить подаренный Алексом мобильник в мусорку.

– Прокрути еще раз, – попросил генерал.

Стас немного открутил запись назад и нажал «play». Зазвучали английские пререкания Алекса с Маккоем. Глядя на генерала и подполковника Яковенко, только вышедшего на службу после болезни, Стас едва сдерживал ухмылку – так веселили его попытки начальников досконально понять все тонкости закордонной речи. Впрочем, надо признаться, что и сам капитан уже месяц форсированно подтягивал с репетитором свой английский, но и это позволило ему «въехать в тему» финских переговоров своего фабзайца лишь с пятого повтора.

– Я правильно понял: Валет потребовал письменного разрешения на контакт с ФСБ? – не совсем уверенно произнес Рогов.

– Именно так, – подтвердил Стас.

– Армия по нем плачет горячими слезами, – убежденно произнес подполковник. – Пускай бы полгода побегал за краповым беретом, живо вся дурь бы прошла. А через полгода комиссовать по какому-нибудь аппендициту и на финскую дачу вернуть.

– Тогда мы вообще останемся при своих интересах, – скромно обронил капитан.

– Не хотите в армию, давайте перекинем его в контрраз-

ведку, чтобы потом к нам претензий не было, – гнул свое Яковенко.

– А с чем в контрразведку? Что у нас есть кроме нескольких дружеских шаржей Валета? Доказательств вербовки – ноль, доказательств вывоза гостайн – ноль, доказательств лжешколы – ноль, тестирование Валета – всего лишь усложненное собеседование при приеме на работу, торг насчет отеля – чистый бизнес.

«А ведь верно», – Стаса даже восхитила четкость генеральского резюмирования.

– И потом ему еще год учиться у нас, не можем же мы выдавать коллегам на-гора сырой полуфабрикат.

– Этот полуфабрикат нас точно под монастырь подведет, – несогласно пробурчал подполковник.

– Что там с этой «Моторолой»? – глянул на Стаса Рогов.

– Предполагается, что она не только фиксирует место действия, но и «слушает» все окружающие разговоры, возможно даже в выключенном режиме. Поэтому пусть пока будет, как Валет придумал.

Яковенко нейтрально молчал.

– А с отелем?

– Там вроде все чисто. Владелец, некто Попов, занимается сбытом мурманских рыбных консервов и уже два года еле сводит концы с концами, продажа убыточной «Биремы» для него жизненно необходима. Он обустроивал свой отель как раз накануне дефолта, доллар был по шесть рублей, а сейчас

почти по тридцать, и никак не получается ему вернуть даже половину затраченных средств.

– Что говорит Экскортница?

– Говорит: три килограмма потеряла за пять дней у чухонцев. Сплошные нервы.

– Жалуется?

– Наоборот. Валет полностью поменял у нее представление о профессии.

– Валет хочет идти к Попову еще и со своим адвокатом, – заметил Стас. – Говорит: пусть думают, что сам он подставное лицо, а главный это Циммер. Запутать хочет.

– Ну что, пацан в чем-то прав, соображает, – похвалил генерал.

– Позволим ему заниматься шпионством с удовольствием, – отметил Стас.

– Как ты сказал?! – не поверил собственным ушам Рогов.

– Это Валет так говорит: позвольте мне заниматься шпионством с удовольствием, – уточнил капитан.

Вертикальные складки на лице генерала сменились на горизонтальные – он добродушно улыбнулся:

– Не знаю, как вы, но я от вашего фабзайца всякий раз чувствую себя на пятнадцать-двадцать лет моложе.

– Я так вообще от него в босоное детство впадаю, – признался Стас.

– К чему только все это приведет, – чуть смутился под их вопросительными взглядами подполковник. – Ну да, да, я от

этого шалолая тоже иногда балдею!

Встречались возле самой гостиницы. Циммер на своем внедорожнике был уже на месте, когда подъехали на Катафалке Копылов с Девушкой Бонда.

– Это самый нечестный питерский адвокат, чем и полезен, – представил своего поверенного Алекс. – А это лучший специалист по иностранным желудкам для твоего будущего ресторана, – последнее относилось уже к Еве.

– Сейчас развернусь и уеду, – пригрозил «нечестный адвокат».

– Малолетка волнуется, не обращайтесь внимания, – извинилась за фабзайца Ева.

Они толкнули калитку и вошли в палисадник «Биремы».

– Похоже на бывший детсад, – определил навскидку Циммер.

Палисадник с трех сторон был зажат столетними пятиэтажными домами. По краям выложенного красивой плиткой дворика было четыре дерева, пара высоких туй и небольшая голубая ель.

Попов, толстый рыхлый сорокалетний мужик, стоя на крыльце, внимательно рассматривал визитеров и их дорогие машины.

– А почему название только у входа? – спросил Алекс после рукопожатий. – С улицы так и не видно.

– Я этот отель делал не для посторонних, а для своих рыбаков, поэтому звиняйте.

– А почему «Бирема»? – спросил Циммер, когда они прошли в вестибюль.

– Потому что два этажа, было бы три, называлась бы «Триремой». А вообще знаете, что такое бирема и трирема?

– Кажется, древнегреческие корабли, – проявил осведомленность адвокат.

– В Древней Греции биремы назывались диерами, – поправил Копылов. – Бирема – это римское название.

Толстяк покосился на него, явного представителя не читающего поколения, с некоторым уважением.

– А ничего! – одобрительно высказался Циммер, любуясь интерьером и редкостными рыбками в большом аквариуме рядом с ресепшеном.

Алекс зверски глянул на него: чего мне гешефт портишь! Изначально настроенный на торгашеский лад, он принялся все осматривать с видом опытного барышника: то пятно на стене заметит, то скол на мебели, то прожженное место на полу. Попов, наблюдая, лишь досадливо морщился.

Осмотр отеля продолжался минут сорок. Видны были все деньги, затраченные на превращение рядового детсада в весьма приличную мини-гостиницу: продуманный интерьер, нарядное оформление самих номеров, буфет со столиками на 16 посадочных мест, бильярдная, тренажерная с полудюжиной спортивных снарядов, интернетная с 3 стационарными

ми компьютерами, особой формы коридорные светильники, книжные полки на ресепшене, вахтерская с мониторами видеонаблюдения. Плюс обширный подвал, в котором находились не работающая сауна с купелью 2 × 3 метра и много помещений, заваленных мусором, ржавыми кухонными плитами, детскими горшками и кроватками.

К удивлению Алекса, отель оказался вполне действующим: пять номеров были заняты, работал буфет с разбитной буфетчицей, на ресепшене бдила менеджер Софья Степановна, в коридоре прошествовала супружеская чета, выясняющая между собой отношения, выкатила тележку с уборочными прибамбасами ухоженная горничная в нарядной форме. Негатив заключался в том, как все они смотрели на группу покупателей. Особенно уколола легкая ухмылка от горничной. Копылов с запозданием понял свою стратегическую ошибку: вместо того чтобы выглядеть полпредом неизвестного бизнесмена, он предстал как абитуриент, пришедший на экзамены с родителями.

Наконец они вчетвером уединились в директорском кабинете, и Алекс принялся торговаться, доказывая, что отель требует основательного ремонта, мол, он собирается делать ставку на интуристов, поэтому все должно сверкать и блистать, и уж, конечно, не быть таким прокуренным и пропитанным рыбным запахом, да и сауну непременно надо приводить в рабочее состояние.

– Вон Ева Львовна пусть скажет: можно сюда запускать

иностранцев или нет.

Девушка Бонда, естественно, не подкачала:

– То, что для нашего народа высший шик, на самом деле лишь слабые две звезды. Сейфов в номерах нет, интернета тоже. К кормежке наверняка также вопросы будут.

Попов молчал, не желая спорить.

– В общем, пятьсот тысяч – и по рукам!

– Какие пятьсот тысяч, шестьсот и так предельно низкая цена.

– Пять тысяч в месяц умножить на двенадцать – минус шестьдесят тысяч в год.

– Каких еще шестьдесят тысяч? – изумился толстяк.

– То, что вы платите рэкетирам. Или я что-то путаю?! – Уверенный тон Копылова не давал возможности спорить, да еще намекал на связь нахального юнца с криминалом.

О существовании бандитской крыши, которая каждый месяц забирала у «Биремы» фиксированную денюшку, Алекс узнал от Стаса и только обрадовался этому: было интересно посмотреть, как Инкубатор сможет защитить его от питерского рэкета.

– Пятьсот восемьдесят тысяч, – угрюмо заметил Попов. – Но деньги немедленно.

– Конечно немедленно. Пятьсот тридцать.

– Пятьсот семьдесят.

– Уговорили, пятьсот пятьдесят! – Копылов протянул руку.

Толстяк, чуть помедлив, все же пожал ее.

Циммер торговой прити своего клиента ничуть не удивлялся, хорошо помнил, как он еще за финскую дачу солидную скидку выцыганил. Да и в покупке отеля было нечто солидное и большое, особенно после слов об интуристах. Беспокоило его лишь полное невежество юного миллионера в гостиничном бизнесе.

– Все понимаю, вот только не понимаю, как ты со всем этим сумеешь справиться. Люди годами учатся этому, а ты что, за месяц освоишь?

– А ты у меня на что? Быстро говори самый нужный совет.

– Насчет прибыли или персонала?

– Прибыль я сам добуду, насчет персонала.

– Самое главное, чтобы персонал сразу почувствовал, что с тобой стало лучше.

Похожие сомнения были и у Евы:

– Тебе как минимум нужно месяц самому пожить в «Биреме», чтобы вжиться в свое отельерство.

Копылов незамедлительно решил последовать обеим этим советам:

– Вас за язык никто не тянул, сами предложили. Выберите себе по номеру на свой вкус. И приготовьте тугрики на оплату. Что, нет денег? Ладно, выделю от своих щедрот. Или не согласны, что отель должен быть заполнен?

Отдельно адвокату было добавлено:

– Слушайся младших – и будет тебе счастье и жизнь, пол-

ная приключений.

Девушке Бонда на ушко досталось категоричное:

– Здесь главный шпион я, а не ты. Шагом марш исполнять команду!

И два дня спустя после подписания бумаг и перечисления денег в «Биреме» оказались заняты еще три номера: один для босса, второй под офис Циммера, третий как деловой штаб Евы Заславской, менеджера по иностранцам.

С персоналом новоявленный отельер действовал не менее решительно. Ограничившись легким собеседованием с каждым из работников, Алекс потом собрал их вместе в буфете «Биремы» для своей тронной речи. Всего их было шестеро: менеджер, буфетчица, две горничных и два сменных вахтера-сторожа, дабы дамам не оставаться с клиентами совсем без мужчин.

– Я на вид парень добрый и улыбочивый. Более того, я чаще люблю говорить «да», чем «нет». Но при этом я все же настоящая акула бизнеса, поэтому потом прошу вас всех не говорить, как я здорово притворялся хорошим парнем. Для меня самое главное – сделать из этой конторы что-то доходное, ни до чего другого мне дела нет. Будете помогать – хорошо, не будете помогать – буду сильно плакать.

– А за помощь отдельные бонусы полагаются? – поинтересовался один из сторожей, студент-заочник Илья.

– А какая отдельная помощь от нас может быть? – вторил ему шестидесятилетний Леонидыч, для которого ночевки в

«Биреме» служили отдушиной от сварливой жены.

– Главная от вас помощь – это ваш позитив.

– Как это? – не поняла буфетчица Алла, возрастная пышечка с цепким взглядом.

– Матерные анекдоты рассказывать, неужели не понятно, – разъяснил студент.

– А как к вам обращаться? – задала вопрос Люсьен, та самая горничная, что ухмылялась в первый день.

– На «вы» и по имени Алекс. И еще одна личная просьба: в гостинице не курить.

– Как это? А где же тогда курить? – насторожился Леонидыч.

– У черного хода или на лестничной площадке наверху у открытого окна, – невозмутимо распорядился Копылов. Чтобы сгладить впечатление от своего каприза, он передал менеджеру Софье Степановне шестьсот долларов, чтобы она каждому выдала по «франклинину» эдакого хозяйского магарыча. Народ сей жест, может, внутренне и покоробил, но внешне весьма приободрил.

– А вот и первый бонус! – обрадовался студент.

Ева, слушавшая его речь из коридора, чуть позже наедине не скрывала удивления:

– Где ты только всему этому научился?!

– Вы с Циммером и научили. – Иногда Алексу было приятно выдавать себя примерным учеником.

Дополнительные очки ему принес визит в «Бирему» клер-

ка из английского консульства, проверить, все ли готово к учительскому десанту. Беглый разговор Алекса с ним на английском поднял рейтинг новоиспеченного отеля для персонала сразу на две-три ступеньки. Сам же клерк излучал редкую невозмутимость, видимо, уже успев привыкнуть, что здесь в России возможно абсолютно все: юные миллионеры, безумные проекты, быстрые разорения. Осмотрев номера и оставшись ими довольным, он сделал лишь одно замечание:

– Где секьюрити?

– Я уже провел собеседование, через два дня будут, – на ходу придумал Копылов, прикидывая, пришлет ли Инкубатор своих шпионских людей, или ему придется их нанимать через обычное охранное агентство.

Какое это было странное чувство – просыпаться в Палате № 7, как называл его отельерский номер Циммер, прислушиваться к застенным звукам, включать телевизор с новостями, заваривать в чашке чай и выстраивать в голове цепочку необходимых дел, зная, что что-то обязательно будет в этот день новым и неожиданным. Евы рядом не было, она обычно уходила от него в полночь, заставляя персонал «Биремы» ломать головы над непонятностью их отношений.

В 9 утра был выход господина отельера из номера, намеренно неспешный и упреждающий свое появление какой-либо задержкой в дверях (выключить телевизор или взять забытые ключи) – надо было дать подчиненным изготовиться лицезреть высокое начальство. Затем дружеские приветствия, вопрос о ночных происшествиях, полный завтрак и какое-нибудь легкое вмешательство в «монастырский устав»:

– Хотел бы немного другой сорт кофе, и держите для меня бутылку воды без газа, моя слабость – кофе по-гречески со стаканом ледяной воды.

Потом за другие дела. Слава создателю, имелся захлащенный подвал, в котором можно было распоряжаться, не оскорбляя ничьего самолюбия. Ева, правда, все время подбивала устроить генеральную ревизию гостиничных кладо-

вых, но Алекс с этим решил не торопиться – слишком велик был риск обнаружить масштабное воровство.

– Но тогда ты хоть будешь знать, с кем имеешь дело! – не понимала такой его позиции Девушка Бонда.

– Мне нет дела, что было здесь до меня. Свирепствовать буду только на новую клептоманию.

И скрупулезно вникал во всю гостиничную бухгалтерию, да и то сказать, счета за продукты, коммуналку, моющиеся средства, долги за прежние ремонты сыпались как из рога изобилия. Когда все это надоедало, отправлялся на Катафалке покупать что-нибудь для наполнения Треххатки.

Два дня особых происшествий не было, и он даже стал думать, что управлять отелем не так уж и трудно, но тут на третий день случился настоящий Момент истины.

Сидел у компьютера в одних трусах, колдовал над сайтом «Биремы», как вдруг, чуть постучав, в номер ворвалась взбодраженная Люсьен:

– Там *эти... эти* пришли... – сообщила она, отворачиваясь от босса в неглиже.

Надев рубашку и джинсы, Алекс соображал, какой придерживаться линии поведения.

В буфете, развалиясь, восседали два парня в кожаных куртках: один похудей в вязаной шапочке, другой, мордатый, с косичкой на затылке. Перед ними стояла целая батарея «Балтики 9», блюдо с фисташками, бутерброды с семгой и бужениной. Рядом на полу собирала в совок осколки разбитого

блюда с салатом буфетчица.

– А вон там еще не убрала, – указал Мордатый и, высыпав на стол фисташки, швырнул об пол блюдо. Оба братка радостно заржали. После чего Мордатый подхватил Аллу и попытался усадить к себе на колени. Буфетчица с трудом вырвалась.

Все мирные заготовки Копылова летели белым лебедем. Сзади в открытую дверь заглядывала Люсьен, а видеоглазок в углу буфетной четко фиксировал происходящее.

– Парни, а не пора ли вам на выход? – он попытался придать своему голосу хоть какой-то оттенок вежливости.

– А ты чё такой борзый?! – осклабился Вязаная Шапочка.

– Я новый владелец этого заведения, – представился Алекс.

– Точно, что ли? – глянул на буфетчицу Мордатый. Та кивнула.

– Ну так пора проставляться, владелец! – обрадовался Вязаная Шапочка.

– Прошу вас покинуть гостиницу!

Парни снова заржали.

– Еще раз прошу вас покинуть гостиницу! – Алекс окинул взглядом ристалище и шагнул вперед.

– Свали отсюда, пацан. Беги за ментами, давай. – Мордатый пренебрежительно оттолкнул его пятерней.

В следующее мгновение Копылов мертвой хваткой вцепился в него: левая рука за грудки, правая за волосы на за-

тылке с максимальным загибом назад, поднял в рост и потащил на выход. Вскочившего Вязаную Шапочку с разворота сильно лягнул ногой. В челюсть не попал, но и удар в грудь опрокинул того с переворачиванием столов и стульев. Вытащив Мордатого в вестибюль, Алекс швырнул его так, что тот приземлился уже за входной дверью. Теперь назад за вторым. Вязанная Шапочка был уже на ногах и тянул из-за пазухи внушительный ТТ. Но снять с предохранителя и взвести курок – это тоже время, которого хватило на то, чтобы выхватить в углу буфетной из ведра швабру и ткнуть ее ручкой бандюгану в кадык, а второй тычок по кисти с пистолетом. После чего Вязаная Шапочка в состоянии гроги был тоже вытасен в вестибюль и за дверь. Мордатый даже посторонился, давая пролететь своему подельнику мимо. Оба братка были так ошеломлены прытью стройняшечки-малолетки, что даже про угрозы забыли, поддерживая друг друга, убрались за ограду и торопливо укатили на бэушной иномарке.

Четверо служащих и двое жильцов квадратными глазами смотрели на триумфальное возвращение бойца-отельера.

– Это были лукашцы, наша крыша, – выдавила из себя Алла, подавая ему ТТ и вязаную шапочку.

– Я понял. – Он невозмутимо забрал трофеи и вернулся в свой номер.

Чуть позже зашел в вахтерскую, чтобы перегнать на два диска всю сцену, снятую видеокамерами: один предназначался Стасу, другой на всякий случай про запас.

Девушка Бонда, вечером просмотрев диск, оценила его геройство на троечку:

– Теперь они просто будут знать, чего от тебя ждать. Ты этого добивался?

– Кто думает о последствиях, никогда смелым не будет, – ответил он своей любимой цитатой.

Циммер узнал о событии от буфетчицы Аллы. Тут же влетел в Палату № 7:

– Ты что, парень, творишь?!

После просмотра диска еще больше впал в прострацию:

– Похоже, надо валить с твоей пиратской посуды, я на такое не подписывался.

– А я так надеялся, что нас с тобой закопают в одной лесной могиле, – в своем фирменном стиле подначил адвоката Алекс.

Его кабинет в Треххатке украсился третьим экспонатом: к кепке капитана Узденцова из московского ФСБ и шапочке-пирожку Маккоя добавилась вязаная шапочка Гаврилы – так звали братка, получившего шваброй по шее. На требование Стаса отдать ему ТТ Копылов ответил категорическим отказом:

– Это моя законная мародерская добыча.

Сообщил лишь номер пистолета. Как и следовало ожидать, данное оружие ни за кем и нигде не числилось, этакий артефакт черных копателей.

– Лукачцы согласились пока тебя не трогать, при условии возвращения их волыны, – чуть позже сообщила Ева об итогах закулисных переговоров.

– Передай, что я на месяц арендую их стрелялку, а потом мы встретимся и все уладим, – выдвинул свои условия Алекс.

Зато теперь в Инкубаторе появился самый железный повод снабдить телохранителями не только робких мелкобритов, но и самого Валета. Накануне дня прилета гостей они и нарисовались в Палате № 7.

– Это Глеб, а это Игорь, – представила Девушка Бонда неброских сухощавых парней лет тридцати. – Они заодно и техникой займутся. (Сие наверно должно было означать про-

слушку мелкобритов.)

Парни смотрели на отельера с выражением своего неоспоримого превосходства, что неприятно задело Алекса.

– А как у вас насчет настоящих стрелялок?

– Показать? – тот, что Глеб приоткрыл свой пиджак, под которым виднелась кобура скрытого ношения.

– И сколько мне это будет стоить?

– Все по официальному курсу, – Ева подала ему договор с охранной фирмой. – По семьсот долларов в месяц на каждого. Плюс триста долларов аренда отдельной машины.

– Нетушки. Никакой отдельной машины, на метро и на своих двоих.

– А как завтра поедем встречать дорогих гостей? – напомнила она.

– В Пулково все вместе, а назад все лишние на такси. Ты же хвастала, что у тебя есть своя машина, вот и используй. За бензин я заплачу.

– Я же говорила, жмот он еще тот, – пожаловалась парням младшая шпионка.

Чтобы не выйти из данного образа, с размещением Глеба-Игоря Алекс тоже не стал шиковать. Произвел первое увольнение: выгнал любителя бонусов Илью за то, что тот во время стычки с лукачцами даже не выглянул из вахтерской, а на его место определил обоих секьюрити, мол, пока один следит за мониторами, второй будет барражировать по отелю или гонять чай в буфете.

Мелкобритов ожидалось четверо, но неизвестно было, сколько будет багажа, поэтому Алекс с Евой и с секьюрити отправились их встречать на двух машинах. С аналогичной табличкой встречал учителей и уже знакомый представитель английского консульства, так что получилось аж три встречающих машины. Катафалк выглядел приличней других авто, и вся четверка прибывших англичан загрузилась в него. У троих из них было лишь по одному чемодану, и только у Грэйс или Зондерши, как за глаза сразу окрестил Алекс старшую менторшу, оказалось три баула.

Два парня и девушка, хоть и знали три десятка русских фраз, в России были впервые, Зондерша во всех смыслах являлась бывалым человеком, да и по-русски говорила достаточно свободно, и по дороге охотно давала своим молодым коллегам нужные разъяснения. У Алекса она спрашивала лишь о контингенте будущих учеников. Тут похвастать особо было нечем. Несмотря на двести расклеенных по округе рекламок, на курсы Лэнгвидж Скул записалось всего полтора десятка человек. Тут же последовало распоряжение Грэйс объявить, что два первых занятия будут бесплатными:

– Как вы думаете, это улучшит набор?

– Безусловно, – согласился Копылов. – Хорошо бы еще снизить оплату. Сейчас в Питере несколько сотен таких курсов. Все они сильно дешевле.

– Насколько я знаю, международный сертификат могут выдать не больше десяти из них, – холодно отвечала Грэйс.

«Бирема» произвела на англичан вполне благоприятное впечатление, особенно двадцати двумя градусами на коридорном термометре, набором горячительных напитков в Буфете, тренажерным залом и бильярдной. Позже добавились восторги по поводу быстрого интернета в Интернетной и наличием в номерах телеканалов с Би-би-си и CNN. Лишь Грэйс была недовольна тем, что классы все еще должным образом не оборудованы.

– Мы с вами завтра поедем куда надо и привезем все, что вы выберете. Сам я на это не решился, – объяснял с успокаивающей улыбкой Алекс.

Несколько дней ушло на адаптацию гостей. Пока Томас, Юджин и Оливия под присмотром Евы и одного из охранников вояжировали по музеям и музтеатрам, Копылов с Зондершей занимались делами завхозными: завозили столы, стулья, классные доски, развешивали картинки из английской жизни, выставляли учебные пособия, принимали абитуриентов, часть из которых Грэйс тут же тестировала для определения их знания инглиша. Порядком удивило Алекса требование установить в трех классах жучки прослушки, а в четвертом еще и скрытое видеонаблюдение. Он едва не сказнул, что все нужные жучки уже и так стоят, где надо. Спорить особо не спорил, лишь со вздохом расставался с очередными «франклинами» – Грэйс удалось повесить на него большую часть расходов. Сделанные преобразования сразу же пошли Лэнгвидж Скул на пользу. Приходящие по объявле-

нию люди сильно впечатлялись от нарядной и деловой учебной обстановки, а присутствие молодых симпатичных англичан и быстрый языковой опрос стопроцентно внедрял их на первые бесплатные занятия.

Сам Алекс сперва старался относиться к «миссионерам», как называла их Ева, в духе невозмутимого английского дворецкого, но когда пошли совсем уж ничтожные придирки к отелю и кормежке в нем, не выдержал и просто переехал в свою Треххатку на Выборгском, сгрузив все разборки на Еву и персонал гостиницы. Его уловка оправдала себя. Когда теперь он появлялся в «Биреме» ближе к ланчу, все четверо преподавов обращались к нему уже не как к простому исполнителю, а как к боссу над этими исполнителями, что называется, почувствуйте разницу.

К первому учебному дню готовились с понятным волнением, намечен был даже банкет по окончанию занятий. Алекс решил приехать за два часа до первых уроков. Остановился у парикмахерской, где Ева делала себе новую стрижку. На холодный ветер начала апреля вылезать не стал, поджидал в машине свою напарницу. Все мысли были о Вере. По возвращении из Финляндии он по два-три раза в день звонил ей с разных телефонов. Ее мобильник словно умер. Обеспокоенный, он подрядил Девушку Бонда навести справки о своей «любимой ханум». Оказалось, что ни в какую аварию или больницу Вера не попала, все также продолжала регулярно появляться в Питере со своим поездом. Что же случилось? Бросить его вот так, даже не озвучив какой-либо повод! Неужели ее отвратили его слова о тотальном себе подчинении? Самолюбие не позволяло съездить на Московский вокзал и узнать все при очной встрече. А может быть, это и к лучшему – такой вот разрыв.

– Привет, красивый! – в правое стекло постучала симпатичная девушка. Ее подружка обогнула машину спереди, пригнулась к левому окошку и тоже постучала.

Он с недоумением открыл оба стекла.

– Сюда смотри, – сказала красотка справа и стала что-то доставать из своей сумочки, причем копалась так, что он по-

неволе уставился на ее руки и совсем не увидел движения ее товарки слева от себя, и удар в шею электрошокера застал его врасплох.

Девушка Бонда через стекло парикмахерской с изумлением смотрела, как красотки быстро отошли от Катафалка, а им на смену непонятно откуда вынырнули трое парней, открыли дверцы машины и сели в нее, причем один прямо на водительское место, вытолкнув Алекса на пассажирское сиденье. Выскочившей из парикмахерской Еве оставалось лишь беспомощно схватиться за свой мобильник.

Полчаса спустя Катафалк остановился на заброшенной стройплощадке. Трое парней вышли из машины и выволокли наружу Алекса в наручниках, он все еще был без сознания. К ним присоединился четвертый парень из ехавшей следом за ними серой «шкоды». Все четверо надели балаклавы и достали из-за пояса металлические прутья.

Один из четверки из лужи плеснул водой Алексу в лицо. Тот зашевелился, открыл глаза, дернул скованными руками и тут же получил удар железного прута по груди. Следом посыпались другие удары. Парни старались изо всех сил.

Копылов первые секунды скрючивался и закрывался, потом чуточку опомнился, поймал ближайшего парня за ноги и опрокинул на землю. Не обращая внимания на удары, он перекатился к голове противника. Задушить его ему не дали, удары железом пришлись по кистям рук. Тогда Алекс рванулся снова и впился балаклавщику зубами в лицо. Тот за-

орал благим матом. Общими усилиями Копылова оттащили в сторону.

– Зажигай! – скомандовал голос вожака.

Один из парней обильно полил бензином из фляги салон «мерседеса». Следом полетела включенная зажигалка. Дорогое авто объяло красно-черное пламя.

Парни торопливо загрузились в серую «шкоду» и покати-ли прочь.

Избитый донельзя Алекс лежал на земле в наручниках и сквозь пелену в глазах смотрел, как горит его машина.

Катафалк продолжал яростно гореть, не привлекая к себе внимания ни пожарных, ни ментов, ни случайных зрителей. С бандитскими разборками в 2000 году вроде стало потише, но по инерции никто сторонний в них по-прежнему не спешил вмешиваться.

Часть вторая

1

Алексу повезло: ярко пылающий Катафалк все же привлек пожарную машину, а следом милицию и «скорую». Поэтому очнулся он уже в больничной палате на пять коек. Доступ к милицейским сводкам дал нужную наводку Еве и Стасу, и не успел Копылов как следует рассмотреть своих соседей, как его перевезли в одноместные апартаменты, где уже ждала Ева. Когда выяснилось, что пропали оба его мобильного, к разговору подключился еще и Стас.

– Хорош! – резюмировал капитан, оглядывая гипс на руке, перебинтованные грудь и голову фабзайца. – Везде умеешь найти приключения. Хоть слышишь меня?

Алекс слышал, но словно через ватную подушку из дальнего угла палаты.

– Сказали, что у тебя сотрясение мозга и целых ребер меньше, чем сломанных.

– Э! – попробовала защитить «главного шпиона» Ева.

– С какой стати я должен ему сочувствовать! – огрызнулся Стас. – Кто это был? Ведь это не лукачцы?

– Все в балаклавах, – с трудом губами-оладьями отвечал Алекс.

– Хоть что-то говорили? За что? Гопники или кто посерьезней? На кого думаешь?

Пострадавший изобразил жест «не знаю». На том их первый разговор закончился.

Помимо чудовищных кровоподтеков по всему телу и сотрясения мозга у него было три треснутых ребра, глубокое рассечение щеки и две сломанные косточки на правой кисти руки. Половина зубов шаталась, но все же кое-как держалась.

Выздоровление проходило медленно. Хуже всего обстояло с головой, в ней постоянно что-то шевелилось и перекачивалось, иногда казалось, что память и соображалку отбили напрочь и в прежнем объеме их уже не вернуть. Еще была полная апатия и безразличие ко всему вокруг. Нечто подобное он испытывал, когда «дядя Альберто» вывез его через Доминикану в Москву. Хотя нет, как раз тогда мысли и чувства у него были самыми яркими и цельными, хотелось всех обхитрить и вырваться на волю из этой жуткой России.

Иногда на ум приходила еще одна больница – тюремная. Когда его мать при бегстве через джунгли от полиции укусила змея, и Исабель вынуждена была выйти к ближайшей больнице, где ее и повязали. Как же потом она в тюремной больнице сумела покончить с собой? Подробностей об этом ему никто не сообщал, и теперь сквозь резкую головную боль он додумывал их сам: то про женскую заколку, которой она вскрыла себе вены, то про ампулу с ядом, зашитую в одежде, то про повешенье на спинке собственной кровати, о кото-

ром он читал в справочнике по криминалистике. Эти мысли немного успокаивали, заставляли не слишком себя жалеть.

Зато никак невозможно было смириться со сгоревшим Катафалком. Ну, угнали бы, ну разобрали на запчасти, но зачем жечь?! Это казалось верхом дебилизма. И машину было жаль, как живого человека. Более того, казалось, что именно Катафалк принял на себя основную долю бандитской агрессии и тем самым спас своему хозяину жизнь.

Насчет налетчиков сомневаться не приходилось: кто еще как не братки Лукача. Вот только почему в балаклавах? Хотя, если им прошла команда «Бирему» не трогать, они просто захотели тайно поквитаться за унижение, которому он подверг их в отеле. Тогда понятно, почему и Катафалк сожгли. Кроме мобильников пропали портмоне с пятью тысячами рублей, водительские права и московский студенческий билет. Причастным к налету мог, правда, быть приснопамятный московский холдинг «Элис», дабы отомстить за двух своих застреленных Алексом охранников. Но эти вряд ли бы оставили его в живых. Думалось также и о цэрэушниках. Узнали про его двурушничество и для начала решили наказать физически. Потом добавят наказание финансовое: отожмут все наследство и – гуляй Вася! Была еще версия с сокурсниками-гопниками, те могли засечь его в центре города и позавидовать Катафалку, а потом побоялись угонять слишком броское авто, но это выглядело самым слабым вариантом.

Единственным положительным моментом во всей ситуации было избавление от стукаческой «Моторолы», мол, сгорела в «мерседесе», давайте новую. Только вот поверят ли у Маккоя, что поджог был натуральным, а не постановочным.

Впрочем, его переживания по этому поводу рассеялись достаточно быстро. Ева сообщила о появлении в «Биреме» Севы с вопросом: где Копылов? А еще через пару дней кудрявый Перегонщик объявился и сам в больнице. Все осмотрел, все расспросил и даже сфоткал Алекса на мыльницу. Про стукаческий телефон тоже заикнулся, но по другому поводу, попросил, чтобы Ева выдала ему две упаковки с другими «Моторолами». Заодно стал свидетелем прихода к Копылову ментовского следователя с расспросами о поджоге.

Девушка Бонда навещала его каждый день, принося кучу отелных новостей. Даже явилась как-то с нотариусом, чтобы тот зафиксировал за ней право подписи всех распоряжений Алекса, став тем самым формальным директором «Биремы». Рассказала о появлении в отеле добровольных сексотов, которые охотно стучат друг на друга и рассказывают интересные детали, например, что баню в «Биреме» намеренно повредил сам Попов, дабы там не кутили лукачцы со своими телками, что англичан обзывают бакалаврами, а Алекса «Наша акула», что Софья Степановна регулярно докладывает бывшему владельцу, что происходит в «Биреме», что Глеб и Игорь, получившие прозвища Чипа и Дейла, здорово всех раздражают и даже непонятно чем именно, со смехом пове-

дала, как Циммера из отеля изъехала его разгневанная подружка Рая.

Дела в Лэнгвидж Скул шли со своими шероховатостями. Если бесплатные занятия прошли на ура, то с оплатой по полторы тысячи за урок возникла некоторая напряженка. Грэйс объяснила Еве, что половинная скидка может быть лишь позже и только для лучших учеников. В конце концов, договорились о некоем языковом бартере, и для массовости на уроки стали ходить кроме Евы и Глеба с Игорем еще Люсьен и буфетчица Алла, взамен они потом по часу обучают русскому языку троих «бакалавров».

Отсутствие в больнице страха перед прослушкой позволило Алексу с напарницей говорить вполне свободно, обсуждая персоны всей четверки мелкобритов. У каждого оказалась своя «вишенка»: Томас всюду носился с цифровой видеокамерой, которой он не столько снимал окружающее, сколько свои комментарии этому окружающему. Юджин вел расспросы аборигенов о совдеповском прошлом, явно для какого-то научного трактата. Оливия с не меньшим пылом стремилась узнать Петербург-балетный в двухсотлетнем разрезе. На мелкий шпионаж тянула разве что сама Зондерша, в сопровождении Глеба или Игоря прочесывая магазины и рестораны в городском центре и делая об этом какие-то записи. Но при желании это легко можно было принять за заказ какого-нибудь лондонского турагентства на новый путеводитель. Справки, наведенные обо всей четверке в Англии,

только подтверждали их чистую гражданскую сущность.

Память все же постепенно возвращалась к нему. Через силу вспоминал номера телефонов, финские слова, первую главу «Евгения Онегина», умножать в уме трехзначное число на двухзначное еще не получалось, но на однозначное уже вполне. Сильно мешало, что он не мог рисовать правой рукой, пытался рисовать левой, но как курица лапой.

Вся чернота и опухлость тоже заметно уменьшались, однако сам лик Алекса заметно поменялся: шрам на щеке не проходил, и чтобы его скрыть, он отращивал короткую черную бородку, прибавляя себе лет и важности.

2

По-своему реагировали на кулачные приключения Валета в Инкубаторе. Этому были посвящены аж два заседания высокой Тройки. Но если двухминутный ролик с дракой в Буфете встретили под реплики: «Пора ему на краповый берет сдавать», «На криминального пахана уже точно сдал», и никто даже не спросил про мародерский ТТ (как оказалось, генерал с подполковником просто на двести процентов были уверены, что пистолет уже у Стаса), то ситуация с горящим авто была совсем невеселой.

– Это точно были не отельные рэкетеры? – с пристрастием вопрошал Стаса Рогов.

– Клянутся, что не они. Ну не враги же они сами себе. Я четко им объяснил, что ссориться с армейским спецназом им не стоит, что тюремными шконками не отделаются.

– И они поверили, что наш спецназ крышует «Бирему»? – усомнился генерал.

– Почему бы и нет. Сейчас у всех свои доходные места. Да и Валет хорошо свой нрав продемонстрировал. Никакой шкет без железной поддержки на такое не рискнет.

– В «Биреме» что говорят?

– До вчерашнего дня думали, что их босс на дачу в Финляндию укатил.

Рогов с Яковенко вопросительно воззрились на капитана.

– Чертов следователь из больницы поперся прямо в гостиницу наводить справки и про «мерседес», и про нашего Валета. Ева не успела его перехватить... Ну не думал я, что какому-то менту приспичит выяснять про сгоревшую машину богатого хлыща.

– Надеюсь, англичан он не расспрашивал? – возмечтал генерал.

– Боюсь, они узнают по любому. Бабский коллектив, – вздохнул Стас.

– Со всех подписку точно не возьмешь, – согласился подполковник.

Повисла тяжелая пауза. Как к бандитскому налету на Валета отнесутся англичане, которые и до этого выбирались из отеля лишь под охраной? Не свернут ли свои курсы?

Генерал решил сменить тему:

– Настораживает, что кроме этого Севы Ухнова они к Валету никого не подводят. Что там вообще с этим Севой?

– Потому и не подводят, видят, что с Валетом большой каши не сварить, – высказал свое мнение подполковник.

– Да и у нас не больно хорошая каша получается, – хмыкнул Рогов. Оба подчиненных понимали, что он имеет в виду: пол-Инкубатора, осененных высокими званиями, умениями и зарплатами, должны заниматься кулачными похождениями и сумасбродствами желторотого юнца, ни дня не служившего в армии.

– Как показала проверка, Сева и сам все команды получа-

ет по телефону, а конверты с баксами в отдельном месте, – доложил капитан. – Удалось выяснить – копит на жилье в Греции. Почти уже накопил. Теперь копит золотой запас на греческую жизнь.

– Что там с Евой?

– В отсутствие Валета она взяла на себя не только гостиницу, но и Школу. Сначала два-три раза подменила на ресепшене нанятую Грэйс консьержку, теперь эту консьержку и вовсе уволили, и Ева пока полностью подменяет ее с положенной зарплатой.

– И велика ли та зарплата? – поинтересовался Рогов.

– Больше, чем она получает в своем экскурсионном бюро. Там, правда, за три дня в неделю, а тут за пять.

– Может быть, это пока действительно чисто языковые курсы, – предположил Яковенко. – Рекогносцировка на местности, а потом уже переходить к следующей стадии.

– Что с прослушкой?

– Прослушка ничего особого не высветила, – нехотя признался Стас. – Все четверо засланных казачков чинно знакомятся со своими группами и ведут занятия в полном соответствии с привезенными учебниками и учебным материалом. Ни о чем постороннем речь в классах не заходит. После окончания занятий некоторые из учеников, правда, задают им, любопытства ради, и личные вопросы, но все они касаются преимущественно красот Питера и мест, которые мелкобритам непременно надо посетить.

– Как ты сказал? – удивленно воскликнул генерал.

– Это Валет с Евой их так по янычарской привычке называют. Были когда-то великобританцами, стали теперь мелкобритами.

– Что с охранниками?

– Ропщут, что их таких бесценных на копеечном задании используют.

– Пусть ропщут. Что с интернет-газетой?

– Пока подвисла.

– Может, к ней бесценных охранников подключить?

Стас с Яковенко переглянулись.

– Шучу, конечно. Пусть тогда наш миллионер возвращается пораньше.

– С боевыми отметинами?!

– А почему бы и нет. Посмотрим, какая стойка у... мелкобритов будет на это.

3

Однако ехать в отель в нетоварном виде Алекс отказался категорически. Сказал Еве везти его в Треххатку. По дороге поинтересовался:

– Ты говорила, что Чипа и Дейла в «Биреме» не любят. Почему?

– Считают их наемниками из горячих точек.

– А это так?

– Алла их и вовсе боится, говорит, что у них глаза убийц. Те рэкетеры ей и то больше нравились.

– А тебя они слушаются?

– Теоретически да, а практически через губу. Но бакалавры ими вроде довольны.

В квартире Алекс первым делом метнулся к ноутбуку – в больнице никакого интернета не было. Письма были только от Даниловны из Штатов, он их отложил на потом. Пока Ева разогревала магазинную пиццу, отправил послание однокласснику Жорке Хазиному:

«Приезжай, есть возможность хорошо подраться».

С Хазиным его связывали кулачный поединок в первый день пребывания в янычарской школе, совместные занятия по испанскому языку и вылазки в выпускном классе на электричках в Москву, где они развлекались, гоняя скинхедов возле общежития Университета дружбы народов. Жорка

был настоящим человеком войны, которому прочили выдающуюся краповую карьеру, но после школы он выпендрился почище Копылова, выбрав вместо военного вуза духовную семинарию, где продержался ровно год. Потом, по информации, полученной от Даниловны (как бывшая староста она ревниво отслеживала пути всех однокашников), подался сперва в Тюмень в нефтянники (поработать руками), потом на Мальту (оживить свой английский) и на Тенерифе (оживить свой испанский). Через час Алекса отвлек от ужина тонкий писк ноутбука с ответом от Хазина:

«Готов выехать хоть сегодня. Пароли и явки».

«Завтра у левого копыта Петра I в 17.00» – отстучал он и тут же пришло:

«Буду в 17.30».

Довольно ухмыляясь, Алекс уничтожил переписку и выключил ноутбук.

– Хорошо с девушкой пообщался? – глянула на кухне поверх чашки кофе Ева.

– Выше всяких похвал.

– Про больницу и персональный отель тоже сообщил?

– Разумеется.

– Ты бы хоть фото своей пассии показал.

– А запросто. – Он не поленился сходить за альбомом, который раньше показывал ей из своих рук. Теперь просто вытащил своей гипсовой клешней спрятанный под фото бабушки Дуси снимок Даниловны.

Отставив чашку, Ева внимательно изучила лицо и стати его одноклассницы, потом протянула руку:

– Давай еще.

Поколебавшись, он достал из-под фото медведя на фоне камчатского вулкана снимок малышки Юли – этакий привет из московского вуза.

– Еще!

Снимок двенадцатилетней Камиллы из Лимона находился под итурупской сопкой.

– Еще!

Хулиганить так хулиганить – он извлек из-под Залива Петра Великого рисунок с ликом самой Евы.

– Прямо альфа-самец ты у нас какой-то. Это все? А Вера где?

– Особо засекречена. Кстати, найди мне ее, Веру Орешину. Ничего не объясняй, просто скажи, что мне очень надо ее видеть.

– Найду, если скажешь, почему такой донжуан.

– Боюсь, мой ответ тебе не понравится.

– Колись давай.

– В основном из сострадания. Согласно непроверенным данным, мечтания о любви составляют восемьдесят пять процентов мыслей молодых девушек. Поэтому оказавшись с любой барышней в закрытом помещении, я тотчас начинаю склонять ее к грехопадению.

– Зачем?

– Чтобы повысить ее самооценку, не свою же. Каждый раз мечтаю, чтобы она оказалась недотрогой и с гневом отвергла мои гнусные притязания, но, увы, недотрог в мире оказывается так мало.

– Вот же паразит! – вознесла она над ним карающую руку, он едва со смехом успел увернуться.

Сполоснув тарелки, Ева засобиралась домой.

– Ты разве не останешься? – заволновался Алекс. – Хочешь, чтобы меня гормоны совсем замучили? Или ничто ревнивое тебе не чуждо?

– Для тебя сейчас это удовольствие не совместимое с жизнью, – отшутилась Девушка Бонда.

– А давай проверим?

– А давай не будем проверять?

– Ну, Ева! Кто меня от гопников защитит? А утром кто завтрак приготовит? – взмолился он. – Можешь отдельно лечь в спальне на надувном матрасе.

– Ага! Чтобы ты ко мне ночью приставать пришел, – легко разгадала она. – А я девушка слабохарактерная, возьму и соглашусь.

– Ну и будет нам счастье.

– Не в этот раз. У меня дома кошка не кормлена и цветы полить надо.

На свидание у толчковой ноги коня Петра I Хазин явился совсем налегке, без какой-либо сумки. Алекс стоял чуть вдалеке и имел возможность рассмотреть бывшего дружба-на: дорогой прикид, безупречная стрижка, ртутные движения, король горы или сын короля горы. Наконец и Жорка заметил его и вальжной походкой двинулся навстречу.

– Меняйте походку, за вами следят, – старой шуткой приветствовал гостя Копылов.

– Уже поменял, – Хазин картинно несколько раз припал на правую ногу.

Они не обнимались, ограничились рукопожатием.

– Из багажа только пара свежих носков в карманах?

– Ну почему же, свежий смокинг тоже со мной, – ответил Жорка по-испански и уверенно повел его прочь с Площади Декабристов.

– Что, уже и отель нашел? – перешел тоже на испанский Алекс.

– Зачем? Есть родная тетка в большой квартире, но вдруг у тебя что-то получше.

Они вышли к парковке, где на призыв Жоркиного ключа весело откликнулся пятилетнего возраста «Джип Чероки».

– Аренда? – любопытствовал Копылов.

– Подарок родичей. Чтобы блудный сынок все же взялся

за ум.

Они загрузились в машину. Сзади рядом с большой сумкой лежала гитара в чехле. Алекс тотчас вспомнил, как на выпускном Жорка поразил всех исполнением «Прощания славянки» с иными еще более щемящими куплетами.

– Значит куда? – спросил Хаза.

– Если тетка не напрягает, то к тетке. – Это было явно лучше, чем уже заказанная бронь в чужой гостинице или постой в собственной Треххатке.

Жорка достал карту-схему Питера, точкой обозначил на ней местожительство родственницы и передал карту Алексу:

– Работайте, штурман.

Прокладывая их маршрут по уличной паутине, Копылов обдумывал новый зажиточный статус Хазина. Отец Жорки был военным вертолетчиком, Героем Советского Союза за Афган, сейчас мог быть гражданским вертолетчиком, но тогда вряд ли потянул для сына дорогое авто. Может быть, его мать, она вроде была бухгалтером и теперь вполне могла пахать в московской богатой фирме.

О деле дорогой почти не разговаривали.

– Это из-за этого? – лишь раз кивнул на гипс Алекса Хазин.

– Точно так.

– Бить сильно придется?

– Возможно, даже стрелять, – невозмутимо сообщил Алекс.

– И стрелялки есть?

– Что предпочитаешь: «Беретту» с тремя патронами, «макарыча» с полной обоймой или ТТ с семью патронами?

– Да наверно «Беретту», – был не менее душевный ответ.

Тетя Хазина оказалась весьма хлебосольной. Из-за стола парни встали, поправившись на полтора килограмма. Заодно за час чревоугодия Алекс узнал о Жорке больше, чем за четыре школьных года. Например, что у него не одна старшая сестра, а две и обе глухонемые, причем обе недавно родили по сыну с нормальным слухом. Хазин-старший стал директором СП с немцами, а мама трудится главбухом в не менее солидном учреждении. Недавно вдобавок к зимней даче на Истре они приобрели виллу в Черногории, не говоря уже о московских квартирах для всех троих отпрысков. Да и приехал в Питер Жорж еще и по командировке от отцовской фирмы.

Все это требовало более развернутой информации, и, оказавшись в отдельной гостевой комнате, друзья проговорили с девяти часов вечера до четырех утра. Еще никогда глотка Копылова не трудилась с таким усердием, так что к утру она болела у него не меньше срастающихся ребер. Тут были и интернатские воспоминания, и день сегодняшний, и обмен мнениями обо всем политическом, культурном, спортивном, донжуанском. Оказалось, что подобных разговоров Алексу страшно не хватало, ведь не со Стасом и Евой все это обсуждать. Поражал своими суждениями и сам Жорка. Чего толь-

ко стоил его ответ на простой вопрос: почему после школы он поперся не в военное училище, а в Духовную семинарию:

– Понимаешь, когда учились, я обо всем этом как-то не думал. А вдруг уже все: бери аттестат и езжай куда знаешь. И я вдруг открыл для себя, что офицер – это человек, посылающий солдат на смерть. Меня сразу как переключило. То есть сам по себе я готов идти и взрывать себя гранатой вместе с дюжиной душманов, а других посылать – ни за что! Простые гражданские вузы – это такая тоска! Ну и ломанулся в Сергиев Посад. Было интересно, смогу ли я за месяц превратиться в истово верующего православного. Подделал даже письмо от родителей, что они якобы не возражают против такого выбора семнадцатилетнего сына. Год там все было супер-пупер, а потом как-то все вошло в колею и стало повторяться. Да и мой духовник разглядел, что моя психофизика к послушанию не очень подходящая, мол, свое послушание мирской суеты я еще не исполнил.

Цель своей командировки Хаза тоже не скрывал:

– Отец сватает, чтобы я открыл в Питере филиал его фирмы по продаже немецкой бытовой техники, мол, работа как работа, зато будешь сам себе хозяин. Все это звучит заманчиво, но все равно не то. Чтобы заниматься каким-то делом, мне нужно, чтобы оно было необходимо кому-то еще, как говорится: «Мы с тобой спина к спине у мачты против тысячи вдвоем». Не хочешь со мной славным лавочником заделаться?

О трех годах после семинарии рассказывал с видимым удовольствием:

– Сменил десяток занятий. Три месяца в Тюмени это было что-то. Сухой закон, крошечное вкальвание, а какие разговоры в вахтовом вагончике! Мужики со всего СНГ. Это были даже «не мои университеты», а моя «аспирантура» о глубинном русском народе. Потом махнул в Таиланд, там с полгода. Сначала в какой-то отельной подсобке с напарником, а потом в тайской общаге, где я был единственным европейцем. И ничего, оказывается, на полтора доллара в день вполне можно жить. За треть гонорара с официальным экскурсоводом-тайцем русские группы обслуживали. Но самое большое приключение было в третий раз, когда я с двумя такими же обормотами перегонял из Находки в Москву по зимнику новый японский внедорожник. Семь суток непрерывной гонки, Париж – Дакар отдыхают. Один спит, второй за рулем, третий толкает его в бок, чтобы не засыпал.

Алекс в ответ мог поделиться разве лишь своим путешествием на втором курсе московской учебы: Москва – Первопавловск – Итуруп – Сахалин – Владивосток – Москва.

– Даже частные уроки испанского давал, твоя школа, – продолжал свою одиссею Хазин. – По мелочам еще компьютерством иногда балуюсь. Мне, кстати, пятьсот баксов за сайт одна питерская фирма должна, завтра поеду вытрясать. Еще была интернет-страничка у одного малоизвестного, но весьма денежного поэта. Ему напрягать свои поэтические

мозги в лом, а мне, литературному негру, в самый раз.

– Как интернет-страничка! – едва не подскочил со своего места Копылов. – И каждый день что-то писал там?

– Ну да, а что?

– Меняю свою лавочную работу на тебя, на твою интернет-работу на меня.

– И оба друг другу ничего не будем башлять! – хохотал Жорка.

Как-то так получилось, что ни про наследство, ни про «Бирему», ни даже про переезд Алекса в Питер разговора не заходило, хотя ясно было, что Даниловна переписывалась и с Хазиным. Жорке вполне достаточно было объяснения, что напали четверо хануриков в балаклавах, «мерс» сожгли, а самого Алекса до полусмерти отдубасили, только захотел чуть уточнить:

– Я на подтанцовке или как действующее лицо?

– Как получится, – отвечал Копылов, демонстрируя свою гипсовую конечность.

С четырех утра до семи они немного поспали, улегшись валетом на одноместной кровати, после чего Алекс отбыл домой. Перед уходом попытался всучить Жорке пять «франклинов» подъемных, но был со смехом отвергнут:

– Не хочу быть наемным киллером, только киллером по велению сердца.

Договорились пока не встречаться: Хазе ходить по значным музеям и искать точку для продажи немецкой бытовой

техники, а Алексу выяснять, где есть бандитское гнездо.

С вечера он благоразумно отключил свою новую «Нокию», вспомнил об этом уже подходя к Треххатке. Едва встал в телефон батарейку, как экран выдал с десяток не отвеченных вызовов. Сперва он набрал Софью Степановну: в «Биреме» пьяный постоялец заснул с сигаретой в постели и ночью его с ожогами забрали на «скорой», комната нуждается в ремонте. Что тут можно было сказать – чертыхнуться и пообещать приехать. Потом включил Еву.

«Где ты, сволочуга, был! – зарычала она. – Мне снова тебя по моргам искать?!»

– Мне нужен Стас! – перебил он, чтобы унять ее вопли.

«Если ты уже дома, спустись на второй этаж в восьмую квартиру и увидишь его».

Это было что-то новое. Неужели они сумели оборудовать там служебное жильё.

Быстро приняв душ и переодевшись, он спустился пешком на второй этаж и позвонил в восьмую квартиру, обычную съемную двуххатку почти без мебели, но с полным набором прослушки копыловских апартаментов. Стаса он застал в пижамных брюках, майке и с яблоком в руках. Инструктор молча посторонился, пропуская фабзайца. Чтобы не дать повториться крикам о внезапном отсутствии, Копылов начал первым:

– Мне нужно с вами посоветоваться, как быть.

– Ой-ля-ля! В лесу стая волков сдохла – ты захотел о чем-то посоветоваться.

Алекс не дал себя сбить с заготовленного.

– Ко мне приехал мой одноклассник по сто четырнадцатой школе. Предложил мне сотрудничество в своей фирме, которую он открывает в Питере. Я согласился.

Стас молча грыз яблоко.

– Про себя я ему пока ничего не рассказывал. Вот и хочу вас спросить: что мне ему можно и следует сказать.

Капитан продолжал хрустеть яблоком.

– Просто так взял и приехал? – наконец озвучил он.

– Нашел его по интернету. Сказал, что обретаюсь в Питере, он и приехал. Думал, что просто так погуляем, пивка попьем, а ему оказалось очень нужна помощь питерского туземца. Как-то не получилось отказать.

– Ну и что ты хочешь от меня?

– Аттестат зрелости для него из московской школы, в которой он, кстати, до шестого класса и в самом деле учился.

У Стаса вылетели изо рта куски яблока:

– Чего-о-о!!

– Ну не нашего же интерната аттестат?! – для Алекса это было самое очевидное объяснение своей просьбы.

Капитан рукой указал на кресло: садись и рассказывай. Полуправду говорить было легче и приятней, чем полную ложь. Действительно же Хаза приехал в Северную Пальмиру

в официальную командировку и может стать реальным питерцем. Стало быть, им как одноклассникам придется иногда встречаться и вместе проводить время. Пока что про «Бирему» он ему ничего не сказал, но отель так просто не спрячешь. Значит, ЧТО?

– Про твои костариканские дела он знает?

– Конечно. Так же, как и я про его отца – Героя Советского Союза.

– Даже так? – впечатлился инструктор.

– Как военный вертолетчик в Афгане, – понизил его интерес Алекс.

– А про твоё наследство?

– Пока нет.

– Если сказать про наследство и «Бирему», то тогда и про финскую дачу, и про Еву.

– Само собой. – Копылову стало даже немного совестно за тот стог новых забот, который он сейчас обрушивал на Стаса.

– И считаешь, что вы ни разу нигде не проколите по поводу своего янычарского обучения?

– Думаю, Жорка будет в восторге четко соблюдать гриф секретности.

– А не проще ли сделать так, чтобы реальным питерцем он не стал.

– Конечно, так проще, но есть пару нюансов... Во-первых, он идеально подходит для интернет-газеты, даже опыт такой имеет, во-вторых, работа в его фирме это и классная отмаз-

ка, чтобы я не торчал все время в «Биреме», и дополнительная денюжка. Вы же знаете, если отец оставил мне миллион баксов, то своему сыну я должен оставить хотя бы миллиард, пора уже начать что-то зарабатывать. В-третьих, мы проговорили с Жоркой всю ночь, и я сильно подсел на него. Всегда был равнодушен к мужской дружбе, а тут вдруг понял, как мне не хватает приятеля-ровесника. Не знаю, может быть, это через какое-то время пройдет, но сейчас меня разорвет на части, если на него будет запрет.

– Он что, действительно так хорош?! – рентгенисто глянул на фабзайца капитан.

– Завтра он придет ко мне в гости, и вы сами все услышите.

– Ты даже готов обменять этого, как его, Жорку на свою проводницу?

Лицо Алекса чуть передернулось. Стас усмехнулся:

– Потом захочешь еще и своей теще документы выправить? И это станет главным делом моей жизни.

Копылов пружинисто вскочил с кресла и направился к выходу.

– Я посмотрю, что можно сделать, – в спину ему бросил инструктор. В переводе с гражданского на шпионский это означало: на такие вещи добро дают более высокие чины.

Теперь можно было и на отельерскую службу. Вся из себя деловая и энергичная Софья Степановна тотчас повела его смотреть пострадавший от пожара номер. Ущерб там,

впрочем, был не так велик, лишь в спальне требовался косметический ремонт, но горелым пахло вполне увесисто. Менеджер уже связалась с мастерами, которые все осмотрели и назвали стоимость предстоящих работ. Цена показалась Алексу заоблачной, и он позвонил молдаванам, что недавно трудились в его Треххатке. Те приехали и, осмотрев Погорелый номер, определились с ценой, которая была в два раза ниже, чем у мастеров Софочки. Посчитав свой отельерский долг выполненным, Алекс с чистой совестью направился в институтскую библиотеку (из которой его еще не вычеркнули) набирать учебников – пора было готовиться к московской заочной учебе.

6

Новый день начался для него с приятностей. После двухдневного перерыва дали горячую воду и можно было всласть посидеть в горячей ванне. Потом он приготовил себе на завтрак картофельные драники, к ним его в Москве приехало Малышка Юля, а на умственный десерт явились «Пословицы русского народа» Владимира Даля, которые он с чувством изучал, сидя в одних трусах в компьютерном кресле:

– «Жена мужа не бьет, а под свой нрав ведет. Одному с женой радость, другому горе. Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет. С ним горе, а без него вдвое».

Щелкнул замок входной двери и раздались легкие шаги.

– Ну что там еще? Я же сказал: не приходи! – раздраженно обернулся он.

В дверном проеме стояла Вера в подаренной куртке и смотрела на него.

– Это я.

Самое время было воскликнуть голливудское: «Вау», но Алекс предпочел русское:

– Опаньки! – и тут же засмеялся, махая книжкой: – «С ним горе, а без него вдвое». Теперь я знаю, как нужно вызывать тебя из дерсин-поля.

– Какого еще дерсин-поля?

– У Роберта Шекли есть повесть «Билет на планету Тра-

най» про американский коммунизм. Там мужья хранят своих жен в дерсин-поле и вызывают только, когда жены им необходимы. Что случилось? Я до тебя месяц не могу дозволиться.

Он подскочил к Вере с намерением освободить ее от куртки, но она, выставив руки, не позволила ему этого.

– Я выбросила твой мобильник.

– Да проходи, что встала. Выбросила?

Вера, не снимая обуви, прошла и села возле компьютерного столика.

– Как тебя с Евой увидела возле дома, так и выбросила.

– С Евой у дома? – Он попытался вспомнить. – Ты так и будешь сидеть?

– А Ева?.. Плела мне, что она твоя коллега по работе...

Она твоя любовница?

– Так это Ева тебе ключи дала? – догадался Алекс, усаживаясь на пол у ее ног.

– Зачем? Ты же мне их сам дал. Забыл?

– Как же я рад, что ты пришла! Сам себе дико завидую.

– Дима, скажи правду. Я же видела, как вы с ней у машины миловались.

– «С ним горе, а без него вдвое», – он никак не мог настроиться на серьезный лад.

– Я сейчас встану и уйду! – пригрозила она. – Она твоя любовница?

– Только коллега. А сейчас мы с ней хорошо подумали

и решили, что лучшей невесты для меня, чем ты, быть не может.

– Все врешь!

– Конечно, вру. Правда всегда уныла, только ложь делает жизнь яркой и увлекательной.

– Ну как можно с таким человеком о чем-то разговаривать!

– Надеюсь, ты заметила ключевое слово про невесту?

– Заметила. А почему не сразу в жены?

– Потому что тебе год надо в невестах походить, чтобы определить: нужно тебе такое чмо, как я, или нет. – И он положил свою повинную голову ей на колени.

– Ничего не будет, пока я не выясню всю правду. – Вера решительно отталкивала его подкрадывающиеся руки.

Дальше втягиваться в любовные разборки не хотелось, тем более что неизвестно было, что ей наплела Ева, и он решил сбить возлюбленную с данной темы. Достал из висевших на двери джинсов паспорт и протянул ей:

– Смотри, я никакой не Дима, а некто Александр Копылов.

– То есть как? – она с удивлением раскрыла его паспорт. – Я же видела у тебя студенческий на Дмитрия Волкова.

– Ну вот, а теперь необходимость в Диме Волкове отпала, и я снова вернулся к прежней фамилии.

Четко и слаженно он принялся рассказывать ей суровую историю о том, как в Москве его прессовала банда гопников,

и как он обратился за помощью к одному уголовному авторитету. Гопники за свой беспредел были сурово наказаны, но за защиту он вынужден был стать для уголовников своего рода консильери: перевозить их деньги из Москвы в Питер и помещать куда скажут. Потом у двух группировок случилась большая разборка с убитыми, ранеными и залетевшими на зону, а он с миллионом баксов общака вынужден был остаться в Питере под чужой фамилией. Две недели назад была последняя терка между братками, где он попал под раздачу. (Выразительная демонстрация гипса и шрама на щеке, а также заключение врача о полученных травмах.) Теперь, кажется, все успокоилось, и его определили на почти легальную работу, о которой он пока ей не может сказать. Вот и сейчас ему надо одеваться и уходить до конца дня. Кстати, по условиям этой работы он три раза в неделю должен ночевать в другом месте, – неосмотрительно добавил Алекс.

– С Евой? – охнула Вера, внимавшая его рассказу с доверчивым видом.

– Почему с Евой? В Питере еще есть два с половиной миллиона женщин. Но все они меркнут по сравнению с тобой.

– Вот врун! – девушка не могла сдержать улыбку удовольствия от сего лобового комплимента. – А тебе сейчас точно ничего не угрожает?

– Точно. Только если ты не начнешь мне своими страхами мозг выносить.

– А официально ты чем занимаешься?

– Официально я всякую электронику из Финляндии перегоняю, – сказал он, и она снова поверила.

Осмотр квартиры, в которой по-прежнему царили запустение и неухоженность, тоже пошел ему в плюс.

– Что же твоя помощница не помогла тебе тут с обустройством?

– Если бы ты знала, в какой жуткой норе она сама живет, ты бы это не спрашивала. Из-за одного этого мое сердце будет всегда только у твоих мещанских ножек.

Увы, встречу с Хазой невозможно было уже отменить, поэтому приходилось в самом деле одеваться и уматывать. Не давая ей времени опомниться, он отобрал из стопки книг, лежащих на полу, английский словарь, «Атлас мира» и «Парфюмера» Зюскинда:

– По словарю выучи первых пять страниц слов, по атласу все азиатские столицы и прочитай сто страниц «Парфюмера».

– Я его читала, – скромно сказала девушка.

– Хорошо. Тогда «Я, Клавдий».

– Я читала.

– Тогда «Непобежденные» Фолкнера.

– Читала.

– «Мерзкая плоть» Ивлина Во.

– Читала.

– «Тысячекрылый журавль» Кавабаты.

– Это вообще мой любимый писатель.

– А ну давай выкладывай! – грозно потребовал он.

– Я вообще-то заканчиваю библиотечный факультет Московского института культуры. Ты как-то меня об этом не спрашивал, – объяснила Вера. – Не знала, что ты тоже любишь читать.

– Я читать не люблю, я просто люблю быть образованным человеком, – Алекс все не мог успокоиться. – А это? – Он поднял еще одну книгу из списка обязательного чтения Зацепина.

– «Наш человек в Гаване». Это что, про шпионов?

– В основном про пылесосы. В общем, давай просвещайся и хозяйничай. К вечеру мне ужин из восьми блюд.

Чтобы не оставалось никаких вопросов, он положил на компьютерный столик несколько тысячерублевых купюр.

Из дома Копылов вышел не сразу, сперва заглянул в восьмую квартиру. Стас встретил его широченной ухмылкой – прослушка фабзайца сегодня получилась весьма забавной.

– Почему вы не сказали, что она заочница Института культуры?!

– Чтобы у тебя неуча не возникло комплекса неполноценности, – был ему ответ.

– Как там с Жоркой решили?

– Не все так быстро.

О Вере других комментов не последовало. Ну тем лучше – и сидя в вагоне метро, Алекс сам сосредоточенно продолжил этот несостоявшийся диалог с капитаном:

«Ты что, серьезно надумал жениться на ней?!»

«Я же сказал: через год».

«А почему через год?»

«Наш учитель литературы как-то говорил, что отец Андрея Болконского спас своего сына, когда посоветовал ему жениться на Наташе Ростовой ровно через год. Потому что, если бы Болконский увидел ту семейную курицу, в которую Наташа превратилась с Пьером Безуховым, то он бы либо ее застрелил, либо сам застрелился».

«Только это?»

«Еще у меня должна быть отдушина от этой нашей воню-

чей шпионской жизни».

«Учти, женщины не меняются. Если ты надеешься подтянуть ее на свой уровень, у тебя все равно ничего не получится».

«Вот мне и нужен год, чтобы все разложить по полочкам».

«Хорошо, а практически как ты себе это все представляешь? Так и будет ездить к тебе один-два раза в неделю? Или заберешь с работы и поселишь в своей квартире? Будет выглядеть так, что ты просто нанял себе на год уборщицу и кухарку в одном лице? В однокомнатной квартире это было не так заметно. В трехкомнатной будет резать глаза».

«Я найму для уборки, как вы сами советовали, консьержку».

«А ее родственники, подруги? Ты готов к общению с ними?»

«Почему бы и нет?»

«Вера, возможно, до поры и времени не будет реагировать на твое богатство, но ее круг вряд ли оставит это без внимания. Тут либо ты их спонсор, либо скупердяй».

«Как-нибудь управлюсь».

«И на сколько ты собираешься посвятить ее в свою закулисную жизнь?»

«Вы же слышали: я для нее консультирую воровского общака».

«Ни одна женщина на свете не смирится с существованием у мужа особых тайн».

«Я не думаю, что крутые мафиози все рассказывают своим женам».

Жорка уже ждал на условленном месте. Вынырнув из боковой улицы, Алекс быстро сел в его джип, и через пятьдесят метров они свернули в другую боковушку.

– Наша задача их только отметелить или еще и деньги за «мерс» вернуть? – Хаза весь прямо светился радостным предвкушением. Две балаклавы еще вчера вечером он сшил на тетиной швейной машинке, сегодня в театральном магазине купил два парика и пару темных очков, в качестве оружия раздобыл два маховика от водопроводного вентиля – чем не кастеты.

Честно говоря, Алекс уже и не очень хотел начинать войнушку с лукачцами, но раз вызвал подельника, то отступить никак невозможно. Его план был прост: раз он знает в лицо только двоих нападавших, им и отвечать за всю их четверку. Выследить этих двоих и устроить развеселую разборку. От Глеба-Игоря в качестве славных подельников он, подумав, отказался, поэтому полная уверенность в их с Жоркой победе над Гаврилой и хвостатым Мордатым тоже не особо просматривалась. Главная надежда была на стрелялки. Поэтому первым делом они поехали на заброшенную стройку возле бывшей однохатки Копылова, где под куском бетона находился пакет с четырьмя пистолетами.

– А я думал, ты туфту гонишь! – восхитился Хазин, вертя в руках «Беретту».

– Готов клиенту в колено выстрелить? – вопрос был задан с пристрастием.

– Почему именно в колено?

– Чтобы погубить его бандитскую карьеру. Хромой он будет никому не нужен.

Жорка пристально глянул на Алекса:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.